

Инна Багшинская

*Детектив
сильных
страстей*

Темный ангел
одиночества

Королевская охота

Инна Бачинская

Темный ангел одиночества

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Темный ангел одиночества / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2015 — (Королевская охота)

Хозяйка агентства «Королевская охота» Екатерина Берест получила от своего давнего приятеля, журналиста Леша Добродеева, неожиданный подарок – хвалебную статью о ней и ее успешном бизнесе. После такой рекламы Катя, агентство которой вообще-то занималось охраной, а не розыском, получила неожиданный заказ – найти пропавшую женщину... Марту все считали немного не от мира сего, почти блаженной. Ее муж Евгений рассказал, что видел в новостях сюжет о сбитой на дороге женщине, в которой он узнал Марту. Но ее не оказалось ни в больницах, ни в моргах, лишь медсестра в травмпункте сказала: Марту действительно привезли к ним, но она, несмотря на сильные травмы, ушла, причем, никто не заметил, как и когда... Катя нашла Марту в ее старой квартире. Женщина была полностью здорова, но она сидела в кресле, улыбалась и ни на что не реагировала. Оставалось непонятным, где Марта находилась в течение нескольких дней после аварии и каким образом зажили все ее раны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И. Ю., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Темный ангел одиночества

© Бачинская И. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Ангел бледный, синеглазый,
Ты идешь во мгле аллеи.
Звезд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озаренный
Бледным светом фонаря...*

В. Брюсов. «Ангел белый»

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...Ранний зимний вечер в большом городе. Река красных автомобильных огней, красно-зелено-желтые вспышки светофоров, синие сумерки, хруст льда, шорох, топот, шарканье, цоканье – броуновское движение толпы; неясный гул голосов; смех. Народ плывет мимо освещенных окон-аквариумов, банков и магазинов, внутри – клерки, мониторы, пестрый товар, ярко упакованная еда, стекло с разноцветным алкоголем и винами.

Не холодно. Пахнет снегом. Первая звезда на севере, бледная – мешают городские огни. Парк пуст, бел, холоден и задумчив. Стены сугробов по сторонам аллеи как военные укрепления, по периметру вала – пушки, черные, чугунные, тяжелые; массивные колеса, которые уже никогда никуда не покатят, и дула торчком, из которых уже никто никогда не выстрелит. Все. Оттремело, отстрадалось, затянулось. Оружие молчит, говорят музы – новобрачные фотографируются на фоне да детишки виснут – такая вот символика и связь поколений и молодой побег на старом стволе.

Малиновые с зеленым сполохи на западе, глубокая синева на востоке, на холме у горизонта силуэты луковиц собора и колокольни Троицы. Когда тихо, и перезвон долетает.

Днем растаяло, сейчас, под вечер, подмерзло, от хруста ломит в ушах. Кому придет в голову забрести вечером в пустой парк? Собак выводят рано утром и поздно вечером, а сейчас безвременье, и в парке чувствуется некая затаенность – городские шумы как сквозь подушку, густой темнеющий воздух, легкие звучки непонятного происхождения – не то ветки потрескивают, не то сорвалась и полетела в сугроб шишка, не то снежный ком. И запах снега, в котором арбуз, крахмальная простыня, мокрые варежки и талая вода.

Женщина – ее звали Юнона – шла по аллее, цокала каблуками, прятала руки в широких рукавах шубы; длинные волосы рассыпались по плечам, Евгений говорит – волчья грива. Просто шла. И рассеянно думала о всяких значительных и незначительных, но приятных вещах. О том, что нужно зайти купить что-нибудь к ужину, о новом шелковом халатике-кимоно, о том, что сегодня придет Евгений. Евгений... Радость, томление, усталость отступает, и цифры, деньги, проценты тоже отступают... Как же мало это все значит, если придет Евгений!

Даже в цокоте каблуков его имя: Ев-ге-ний, Ев-ге-ний, Ев-ге-ний... Гений.

Она не сразу заметила сидящую на скамейке женщину. Юнона замерла – она готова была поклясться, что парк был пуст еще минуту назад и на скамейке никто не сидел. Редкие снежинки пролетали в голубоватом свете фонаря с разбитым стеклом, скамейка утопала в нетронутом сугробе, дорожки к ней протоптано не было. На скамейке неподвижно сидела женщина в белой норковой шубке – Юноне был виден ее профиль. По-прежнему летел косо снег; он мягко ложился на короткие рыжие волосы женщины. Она сидела, опираясь на ажурную металлическую спинку, всматривалась в догорающий закат. Короткий нос, вздернутый подбородок.

Юнона поднесла руку к горлу, сглотнула. Ей стало жарко – она неуверенно переступила на месте. Расстегнула шубу. Сделала шаг к скамейке и позвала:

– Марта?

Женщина на скамейке осталась неподвижной. Пугающе неподвижной. Юнону снова окатило жаркой волной.

– Марта?! Ты?!

И снова ничего не случилось. Женщина словно не услышала – по-прежнему смотрела вдаль. Юнона присела на край скамейки и позвала еще раз. И тогда женщина повернула голову, взглянула через плечо и улыбнулась знакомой неровной улыбкой – чуть приподняв правый уголок рта. Улыбкой, которую Юнона так ненавидела. Синие глаза казались черными. Она молча смотрела на Юнону, и в ее неуверенной улыбке был вопрос.

И Юнона, отчаянная, бесшабашная, сильная Юнона вдруг забормотала жалко:
– Марта, ты? Ты? Но ведь... мы все... как же так? Как глупо, нелепо! Честное слово, я не понимаю...

Она осеклась и вдруг почувствовала, что дрожит. От жаркой волны не осталось и следа. Накатило, полыхнуло, ушло... Ей было холодно, неудобно, слова не шли с языка, что за напасть?
– Возьми себя в руки! – приказала себе Юнона. – И прекрати мямлить!

Обычно это помогало. Обычно, но не сейчас. Губы свело, зубы выбивали дробь, и появилась в висках тонкая противная ноющая боль – как сверло вгрызалось. Юноне показалось, что она теряет сознание.

Сверло с визгом вгрызалось в череп; по вискам побежали тонкие теплые струйки. Ей стало страшно – кровь? Юнона прижала пальцы к вискам, потом поднесла к глазам. Ничего! Не кровь. Показалось. Фу, глупость!

Евгений говорил, она приносит удачу. Амулет. Талисман. Оберег. Марта.

Ненавижу!

Они смотрели друг на друга. Юнона – сцепив зубы, та, другая – с неровной рассеянной улыбкой. Горел фонарь с разбитым стеклом, летел косой снег. Умирал запредельный закат. Троицкие колокольни растворились в сумерках, от золотой луковицы осталась слабая светлая точка. Вот... сейчас исчезнет. Исчезла! Теперь – ночь.

Откуда же ты взялась, Марта?

– Марта, ты... как... – Жалкий лепет. – *Где ты?!* – Глупее не придумаешь.

Где она может быть, как, по-твоему?

– А Евгений знает? Ты... Я часто думала о тебе! Да, я тебя не любила, но... честное слово! Да скажи ты что-нибудь! – выкрикнула Юнона в отчаянии.

Марта приветливо кивнула и поднялась. Шагнула из круга света в темноту, пошла в глубь пустого темного парка и через минуту слилась со снегом в своей белой шубе, а Юнона осталась. Замерзшая, она сидела на скамейке и смотрела вслед Марте, никого уже не видя. Наконец с трудом поднялась – колени сковало холодом. Сунула ледяные пальцы в широкие рукава. О Марте напоминали лишь следы в светлом круге – короткая птичья цепочка, невидимая за его пределами. Глухая тишина, летящий снег, пустой парк.

Бред! Это же бред! Этого просто не может быть! Да что же это...

Кажется, *она* что-то сказала. Что? Не вспомнить. Какое-то слово – шевельнулись губы... Слово... может, имя? *Юнона*. Да! Она сказала «Юнона»! Да! Или... нет?

...Юнона вышла из парка в сияющий город – городские шумы, автомобили, толпа – и с удивлением поняла, что плачет. Огни фар и уличных фонарей расплывались, искрились, подмигивали. Лицу было холодно. Она нащарила в сумочке мобильный телефон. Подруга душевная Зося...

– *Я только что видела Марту*. – Как в омут головой.

Зося ахает. Пауза. Проходит бесконечная минута. Зося молчит. Юнона отключается, сует мобильник в сумку.

Улица вибрирует в огнях реклам. Народу заметно поубавилось. Юнона шагает как робот, не замечая массовки. Шагающий робот. Рекламирующий... а что же *он* у нас рекламирует? Последние коммуникационные модели? Ай-фоны-пады-моды? Ароматизированные прокладки с усиками? Суперпятновыводитель «Галактика»? Или практикум-семинар «Как добиться успеха в этой долбаной жизни»?

Юнона устала. Жизнь тускла, впереди пустота. Ночные бдения в любимом кабинете, любимая работа, любимые цифры...

И все.

Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить, мне некого больше любить...

Глава 1

Гостиница. Несколько лет назад

Женщина торопливо шла по длинному коридору гостиницы, рассматривая золотые цифры на дверях. Хрустальные бра, картины, деревья в китайских горшках, приятный запах лаванды. «Континенталь» – самая крутая городская гостиница, и она подумала, что на этот раз клиент попался приличный.

Она давно перестала стесняться... Сначала было противно, гадко до обморока – она подолгу стояла под душем, содрогаясь от отвращения, смывала с себя следы рук... мерзких лап. Потом долго сидела на кухне, босая, в махровом халате, отхлебывала коньяк из высокого стакана, постепенно тупея. Взгляд туманился, в голове начинало шуметь, мысли рвались, не додумываясь до конца. И тогда приходило облегчение. Цепляясь плечами за стенки, она брела в спальню, падала на кровать и проваливалась в мутный и тяжелый сон.

Иногда попадались вменяемые, но чаще друзья и партнеры Николая были просто подонками. Пьяными, грубыми подонками. Сцепив зубы, закрыв глаза, стараясь не дышать, она считала про себя секунды и минуты до последних конвульсий... клиента.

Некоторые хотели поговорить, им было интересно, почему да как, даже с их точки зрения, точки зрения морально-ущербных маргиналов, промышленяющих на помойках и задворках жизни, часто на самом дне, то, что происходило с ней, было неправильно.

Она отделялась короткими фразами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать от отчаяния. Иногда они говорили о своих семьях – жене и детях, с чувством превосходства, давая понять, что она дрянь, гостиничная шлюха, женщина, не стоящая внимания. А она повторяла себе: ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Бежать! Куда угодно! К черту, в преисподнюю, в тартарары! Полы мыть, пачкать руки, а не душу!

Человек ко всему привыкает. Через год она привыкла и больше не помышляла о бунте. Остывала. Говорила себе, что... подумаешь! Ее не убудет, Коля ее любит, вот-вот придут большие деньги, и они уедут! Купят дом... где-нибудь, когда-нибудь... в будущем. Нужно просто потерпеть немного, все будет. Если бы она покопалась у себя в душе, она поняла бы, что уже ничего не ждет, катится себе по инерции, день да ночь – сутки прочь – гостиничный номер, случайный пьяный мужик, потом горячий душ, стакан коньяка и полуобморочный сон. Любимый человек рядом. Всякая бывает любовь, у одних такая, у других сякая. Такая ее планида.

Она неторопливо красилась, сидя перед зеркалом; надевала красивое белье. Доставала безумно дорогие туфли – «рабочие», подумала угрюмо; прикасалась пробочкой дорогого парфюма к вискам, запястьям, ложбинке на груди; долго расчесывала свои длинные блестящие волосы – это называлось придать себе товарный вид. Красивое платье, плащ или шубка в зависимости от сезона, сумочка, перчатки... и можно выступать.

Она негромко постучала. Раздались неторопливые шаги, щелкнул замок, и дверь открылась. Крупный человек лет сорока, видный, в костюме, а не в халате или, чего хуже, в трусах – в простоте и жлобстве, бывало и такое, – стоял на пороге. Не похоже, что пьяный.

Он молча посторонился, и она вошла.

– Прошу вас! – Он сделал жест в сторону дивана. – Водки? Виски? Шампанского?

– Шампанского, пожалуйста, – сказала она.

Он достал из серванта бокалы, ловко откупорил бутылку, разлил. Пододвинул открытую коробку шоколадных конфет. Они выпили. Он откровенно ее разглядывал.

– Как вас зовут?

– Елена.

Она назвалась чужим именем – называть ему свое настоящее ей не хотелось. Это было как хрупкая стена между ними, как дистанция и последняя черта, и переступить ее она не желала. Было бы уместно спросить, как его имя, но она промолчала. Скорее всего, он соврет. Да и какая ей разница? Ее молчание не было бунтом, оно говорило лишь о равнодушии. Если бы она посмела, она бы сказала ему:

– Пожалуйста, побыстрее. Не надо разговоров «за жизнь», не надо лезть мне в душу.

Если бы она была бунтаркой, она бы прошипела:

– На, подавись! Чтоб ты сдох, сволочь!

Но бунтаркой она не была – разве бунтарка придет в гостиницу к незнакомому мужику и позволит ему... все?

Он откровенно рассматривал ее. Она упорно смотрела в сторону, чувствуя его настойчивый взгляд, чувствуя, как вспыхивают шея, лицо и уши.

– Хотите, поужинаем вместе? – вдруг спросил он. – Можно суши или цыпленка. Здесь хорошая кухня. Хотите? Я закажу.

Она кивнула. Он, казалось, обрадовался:

– Прекрасно! Не люблю ужинать один. Завтракать – нормально, а ужинать – увольте!

Спасибо. Кстати, меня зовут Олег Максимович.

У него был приятный голос, мужественное лицо и красивые руки.

– Я у вас впервые, – сказал он. – Красивый город, старинный, патриархальный, с устоями... и эти золотые луковичы и конусы. Я никогда не видел на соборах конусы, седая старина, должно быть.

– Вы много путешествуете? – осмелилась спросить она.

– Приходится, по роду службы.

Она ожидала, что он скажет, чем занимается, но он промолчал. В дверь постучали – доставили ужин.

Несколько минут они ели молча.

– Как? – спросил он.

– Вкусно, спасибо.

– Еще шампанского? – Он снова наполнил бокалы.

– Вы давно знаете Николая? – вдруг спросила она, чувствуя себя бесшабашной и смелой.

Что-то она почувствовала в нем – и это что-то мало сочеталось с Николаем и его друзьями.

– Нет, пару дней всего. Но слышал о нем от... людей. Вы с ним женаты?

– Нет.

– Давно вы вместе?

– Два года.

– Понятно. – Он задумался. Ей показалось, он хочет о чем-то спросить, но не решается, и она взглянула вопросительно. – Лена, зачем вам это?

Он все-таки спросил. Похоже, разговора «за жизнь» не избежать.

Она молчала, глядя в стол. Потом сказала:

– Не знаю. Сначала мне казалось, я спасаю его, любовь была, теперь... не знаю. Жалею, наверное. Коля пытается не играть... бывает, выдерживает по месяцу, один раз даже два, а потом срывается. Карты... это хуже наркомании. Он страшно мучается, кается, чувствует себя виноватым. Однажды хотел покончить с собой. У него друзья не очень порядочные... я не люблю их, они сбивают его с толку. Я делаю что могу. Он как ребенок, он пропадет без меня.

Он помолчал, потом сказал:

– Вы удивительно преданный человек, Елена. А еще говорят, что жертвенной любви в наше время уже нет. И часто вы... – Он замаялся.

Она побагровела. Странное дело, она не стеснялась случайных дружков Николая, чувствуя себя другой, повторяя себе, что их грязь ее не испачкает. А этот говорил с ней так...

по-человечески, участливо. Она словно взглянула на себя его глазами и почувствовала такой стыд, что перехватило горло.

– Нет, не часто... – Она не узнала собственного голоса. – Иногда ему везет и он выигрывает...

– Иногда... но чаще проигрывает?

– Чаще проигрывает, вот и вам проиграл.

Он кивнул. Разлил остатки шампанского.

– За вас, Елена! И за выигрыш в жизни и любви!

Она подумала, что он привык выигрывать, и в нем чувствуется хозяин жизни. Он не похож на Николая... что было ей удивительно – она забыла, что в мире существуют такие... такие... значительные люди – никакого мельтешения, надувания щек, хвастовства; люди, знающие себе цену и знающие, чего хотят. И еще она удивилась, что этот и Николай оказались за одним игорным столом, калибры у них были разные – мелкий аферист Николай, промышляющий по полуподпольным картежным притонам, и этот... козырный, с правильной речью и ухоженными руками.

Да-да, она отдавала себе отчет в том, что Николай был мелким аферистом, без образования, не привыкший работать. Но он был добрым малым, щедрым и веселым, он любил ее. Он делал ей подарки. Однажды, когда он попросил ее об... одолжении, он расплакался и сказал, что он последняя сволочь и слабак, проигрался в пух, все понимает про себя и знает, что Бог его накажет. И если она откажется или даже бросит его, он поймет...

И она растаяла. Ее никогда не баловали добрым словом – отец пил, избивал мать; та срывала досаду на дочке, которая всегда была виновата.

Мужчина взял пульт, вспыхнул экран плоского телевизора на стене – музыкальный канал, ретро. Негромкая музыка, что-то ностальгически-элегическое... сладкая жалоба скрипки. Он протянул ей руку. Она, помедлив, протянула в ответ свою. Подумала – разве сейчас так танцуют? У него сильная теплая рука... Она чувствовала его возбуждение, сердце его билось мощно, рывками. Объятия под музыку как преддверие постели...

...– Хочешь совет? – спросил он. – Уходи от него, он дрянь-человек.

– Вы его не знаете, – пробормотала она, сознавая всю нелепость ситуации – она в постели с чужим мужчиной по просьбе своего... кто он ей? Бойфренд? Жених? Гражданский муж?

«Сутенер!» – вдруг мелькнула мысль.

...по просьбе своего сутенера, продувшегося накануне в картишки! Спасательный круг, скорая помощь, разменная монета. Дешевка.

– Он помог мне, когда умерла мама, дал денег...

...Умерла мама, и она растерялась. Мама долго болела, у нее был рак, и она, работавшая на трех работах, вкальвающая, света белого не видя, осталась одна. Вдруг. Теперь можно было остановиться и перевести дух. Раздать долги. И сойти с ума от одиночества и страха, который приходил ночью вместе с бессонницей.

Пришлось продать квартиру. Деваться ей было некуда, и она напросилась к сестре матери, тете Нике. Собрала чемоданы и отправилась в белый свет.

Она всегда ее боялась – тетя Ника была старшей сестрой и всех строила и наставляла: младшую сестру – за то, что терпит алкаша-мужа, ее, Нонну, – за непутевость, собственного мужа – за лень, глупость, неумение заводить дружбу с нужными людьми.

Ей были неприятны слова тетки о матери, хотя в душе она не могла с ней не согласиться. Но есть вещи, которые нужно чувствовать, их необязательно произносить. Существуют приличия, золотой фонд человечества, помогающий выжить, – их нужно соблюдать. О мертвых ничего, кроме... и так далее. Все знают.

– Ну и что? – Он, улыбаясь, смотрел ей в глаза. – Ты уже рассчиталась. Здоровая, красивая... У тебя есть какая-нибудь профессия?

– Я закончила торговый техникум.

– Почему бы не попробовать... – Он запнулся, и она мысленно закончила за него: «... зарабатывать головой, а не телом?»

– Ты красивая, – повторил он, целуя ее. – Подумай над тем, что я сказал.

Он принес еще одну бутылку шампанского. Она смотрела на его руки, движения их были красивы и уверенны. Пробка взлетела в потолок, она почувствовала холодные брызги на коже и вскрикнула, закрываясь простыней.

– Разучился, извини. – Он протянул ей бокал. Они смотрели друг на друга, он вытер капельки вина с ее плеча...

– Где ты живешь? – спросил он потом. – Я отвезу тебя.

Он привез ее домой, помог выбраться из машины. Они стояли молча у его темно-синего «Мерседеса»; он медлил, а она, замерев, ожидала, неизвестно чего, каких-то слов. Ей не хотелось уходить...

– Послушай... – начал он, и было видно, что он колеблется. – Послушай, я не хотел тебе говорить...

Она смотрела на него потемневшими глазами.

– Наверное, нужно сказать. Твой парень не проиграл вчера, он выиграл. Он первоклассный игрок, и, как я понимаю, он всегда выигрывает. А ты... я заплатил ему, понимаешь? Он предложил, и я заплатил... – Он положил руку ей на плечо.

– Неправда! – закричала она, отшатываясь. – Я вам не верю!

– Спроси у него. Он подонок. Уходи от него, а то пропадешь. – Он снова положил руку ей на плечо, легонько сжал...

...Она переступила порог их квартиры, не раздеваясь, упала на диван и зарыдала. Какой бы ничтожной и жалкой ни была ее жизнь до сих пор, сейчас она была еще более ничтожной и жалкой. Она захлебывалась слезами и кричала: «Неправда!», зная и понимая разумом и сердцем, что этот сказал правду.

Человеку всегда есть, куда падать, до дна далеко...

Глава 2

Екатерина и Галка

Дверной звонок застал меня врасплох. Я слонялась по квартире неумытая, с нечищеными зубами, все еще в ночной сорочке по случаю субботы и прикидывала, что делать. Умыться, одеться, сварить кофе и пройтись по магазинам? Или умыться, одеться и дунуть пряником в офис и заняться бумагами? А кофе выпить прямо там. К чему это кокетство, как говорит Галка – Галина Николаевна, подруга детства, девочка из моего двора. К чему это кокетство, говорит Галка, признайся, что жить не можешь без своей конторы, и переселяйся туда насовсем. Поставь раскладушку и принеси тапочки. На фиг тебе дом, семья, любимый человек, наконец? Ты же вся там, в своей «Охоте»! Ты забыла, что ты существо женского пола...

Существо! Именно! Не женщина, а существо!

– Глаза б мои тебя не видели! – в сердцах восклицает Галка. – Господи, и в кого же ты такая нескладеха? Твой хлыст семь лет морочил тебе голову, а ты молча рыдала мне в жилетку!

«Молча рыдала мне в жилетку»! Ничего подобного, я не рыдала... ну да, иногда жаловалась. К психотерапевтам мы непривычные, потому жалуемся друзьям.

– Может, хлыщ? – вяло отбивалась я.

– Какая разница!

Действительно, никакой. Важна интонация, под которую подгоняется смысл.

«Хлыст» или «хлыщ» – Юрий Алексеевич Югжеев¹, на которого я убила семь лет сознательной жизни. Галка его терпеть не могла, он платил ей тем же. Мы встречались, расставались, нас снова сталкивало, кружило и вертело в водовороте бытия... Красиво: вертело в водовороте бытия! То есть ты щепка, и тебя вертит, стучая лбом и локтями в стены, образно выражаясь. Или тобой вертят. Если вы спросите меня, а была ли любовь, вряд ли я сумею ответить. Наверное, была, семь лет все-таки, это вам не фунт изюму и не кошка начхала, как говорит Галка. Высокомерный скучающий самец двухметрового роста с неприятным тонким голосом и специфическим чувством юмора – прошу любить и жаловать, бывший друг, любезный Юрий Алексеевич Югжеев! Бывший врач, ныне тапер в престижном ресторане, на которого потрачено семь лет жизни. Расстались мы, устав друг от друга, холодно и равнодушно. Тем более у него появилась новая подруга, как я подозревала. Закончилась их история плохо, и с тех пор я его не видела... два года уже. Тем более у меня... тем более я... одним словом, у меня случилась новая любовь – Александр Ситников, я встряла в дело об убийстве его жены... Каким боком, спросите вы. Не по долгу службы, а токмо любопытства ради и привычки совать нос, куда не следует. Забегая вперед, скажу, что наша история тоже закончилась плохо. Вернее, ничем.

Дело в том, что я владею охранным предприятием «Королевская охота», доставшимся мне от дяди Андрея Николаевича Скобелева, брата мамы. Конечно, можно было бы продать бизнес в хорошие руки и жить себе припеваючи, но дядя вложил в него душу, и отдать его детище чужим людям...

Господи, как я надеялась, что проблема рассосется сама собой, что не нужно будет принимать решения и заниматься делом, мне неинтересным, незнакомым и ненужным! Но пришлось, некуда было деваться. На помощь мне пришел старинный соратник дяди, тоже оперативник в прошлом, ныне на пенсии – Гавриленко. Отрядная кличка «Пенсионер Гавриленко». Он сказал скупое, не умея растекаться мыслью: «Ты, Катюша, эта... погоди, не руби сплеча. Подумай, прикинь, дядькино дело ведь, семейное... почитай, вот так взять и выкинуть и трава не расти?»

¹ История Екатерины в романах «Японский парфюмер» и «Два путника в ночи».

А мы всегда подмогнем, в случае... чего, ребята у Андрея служат стоящие, поверь мне, не с улицы взятые. Хорошие кадры, надежные. Ты не спеши, главное, и поговори с людьми».

В итоге я, учительница английского языка, которая ни уха ни рыла в бизнесе, охране, оружии, налогах и так далее, стала «мадам охранницей», как называет меня друг Ситникова – желтоватый журналист Леша Добродеев. Он же Пионер, Лоботомик, Энтузиаст, и еще с добрый десяток похожих кличек – за прыжки, всеядность и готовность немедленно бежать и бурно участвовать в любом событии, будь то презентация, театральная премьера, открытие, закрытие, вручение медалей и орденов, юбилей и прочая, – личность, известная в городе, знаковая и даже где-то культовая.

Несколько раз клиенты, по ошибке принимая нас за детективное бюро, заявлялись со своими проблемами, и я, объяснив им, как дважды два, что они ошиблись и пришли не по адресу, тем не менее встревала. Любопытство, желание помочь, не в последнюю очередь – возможность продемонстрировать замечательную женскую интуицию, за которую меня хвалит полковник Кузнецов, а также азартное желание вставить фитиля оперативникам... очень человеческое чувство, между прочим! Вся эта гремучая смесь рвалась наружу и...

– Лучше бы замуж вышла и не занималась фигней! – Галка досадливо машет рукой. Между прочим, она тоже с готовностью занимается фигней – торгует косметикой, средствами для похудения, ягодными чаями для улучшения цвета лица. С переменным успехом. Иногда зарабатывает – Галка человек коммуникабельный, разговорчивый, из тех, кто в очереди подробно расскажет, как тушить мясо с помидорами и делать салат «Морской бриз». Зарабатывает немного, но на карманные расходы хватает. Иногда прогорает и клянется, что больше никогда! Ни за какие коврижки и посулы! Не поведется на эту туфту! Потом снова ведется, зарабатывает или прогорает... и так далее. Я кричу: «Опять? Ты же обещала?» – «Катюха, на этот раз – верняк, – отвечает Галка. – Скидывают по пять кило в день. Железно!» Она считает, что ей полагается от жизни хоть какая-то конфета, а то сплошная проза. Замужняя женщина, четверо спиногрызов – старшенький, Павлуша, правда, уже пристроен, на своих хлебах, а близнецы Лисочка и Славик и младшенькая Ритка пока на родительской шее – понимаю, на Галкиной, – долг перед обществом выполнен, можно и отвлечься для души. За неимением бурной светской, супружеской и творческой жизни сойдет гербалайф, зеленый кофе и косметика «Мадам Рошá». Галка называет ее «Мадам Рóжа». Галкин муж, Веник, который пишет стихи, время от времени сбегает от опостылевшего семейства к родителям расслабиться и хлебнуть воздуха свободы.

– Этот придурок снова смылся к мамочке! – в сердцах кричит в телефонную трубку Галка. – Нет, ты только подумай! Просто зла не хватает! Устал лежать на диване! Бегемот проклятый!

Веник – тонкий и subtilный, с мечтательными тоскующими глазами, моложе Галки на семь лет и на бегемота совсем не похож.

– Да ладно, не рви сердце, – успокаивала я Галку. – Вернется как миленький, не в первый раз. А хочешь, выгони его. Поменяй замки, не отвечай на звонки, пусть знает.

– Точно! Поменяю, не буду отвечать, выгоню! Пусть знает! Достал уже! Мельтешит туда-сюда, туда-сюда, аж в глазах рябит, долбодятел!

Отдохнув недельку-другую, Веник возвращается домой, и Галка на радостях делает прическу и закатывает пир на весь мир. Она не слушает моих советов, равно как и я пропускаю мимо ушей ее наставления. Мы все время наступаем на одни и те же грабли, увы. Это вовсе не значит, что все должны заткнуться со своими советами и не отсвечивать. Нет! Советы нужно давать, а уж последуют им или нет – дело десятое. Все равно не убережешься от всех тех глупостей, спотыканий и нелепостей, которые написаны у тебя на роду. Будь ты хоть семи пядей во лбу. Протащит судьба по ним, как по бульжникам, потопчется по твоему хребту, похихикает издевательски и покрутит пальцем у виска. Такова жизнь.

Роман с бизнесменом Ситниковым продолжался почти два года, как я уже упоминала. Бизнесмен не был похож на друга любезного Юрия, но по-своему неприемлем для паритетных отношений. Лидер, альфа-дог, мачо – нетерпим, крут, командует, решает за всех. А ты, женщина, молчи и будь красивой, поняла? Радуй глаз мужчины. На тебе деньги, пройдишь по лавкам, купишь шмоток, и на хрен тебе твоя «Охота»?

– Не понимаешь ты своего счастья, Катюха! – стонала Галка, закатывая глаза. – Да я бы за него... как в омут головой! Да за ним как за каменной стеной! Умница, не жлоб, не хлыст, как некоторые, коллектив на него молится!

Галкин старшенький, Павлуша, работает у Ситникова, и Галка знает все тамошние сплетни. Полгода назад она, как сорока на хвосте, принесла новость о предстоящей женитьбе Ситникова на тощей модельке от Регины Чумаровой – городской культовой фигуры, держательницы Дома моделей. Причем на полголовы длиннее. Моделька то есть. Галка не удержалась, разумеется, – выкричалась насчет того, что «знала, чувствовала нутром, говорила, предупреждала!» Потом расплакалась – она уже относилась к нему как к члену семьи, а тут такой облом!

Это было летом, сейчас начало декабря, скоро Новый год, снега навалило по крыши. Рана затянулась, но все еще болит. И всякие расхожие житейские мудрости, вроде того что – ах, мы не сошлись характерами, мы такие разные, мы оба люди дела, все к лучшему и вообще, с какой стати я должна уступать? – не помогают ни капельки. Все равно больно. Еще как! Но кто же в том признается?

Осталась на бобах... интересно, «бобылка» от «боб»? А часики-то тикают – тик-так, тик-так, лето-зима, новое лето – новая зима... вот так жизнь и проходит. Пока ты занят дурацким делом, она, хихикая, бежит мимо.

Галка обращается со мной как со стеклянной вазой, шепотом и на «вы». Звонит, проявляет заботу, вытаскивает погулять. И смотрит несчастными глазами больной коровы. Ее раздражает от желания выложить сплетни о супружеской жизни Ситникова, но она, щадя меня, крепится из всех сил. Только и обронила, что медовый месяц молодые провели на Канарах...

Почему мы расстались, спросите вы? И как? После очередной ссоры. А ссорились мы исключительно на тему «бизнес-леди и ее роль в окружающей среде», а также «кому это на фиг надо?». Все начиналось вполне невинно, с шуточек о моем семейном бизнесе, простых, как валенки, «охотниках», пенсионере Гавриленко, который боится телефона, не говоря уже о компьютере.

И я взорвалась! День был тяжелый, погода скверная, а ситниковские шуточки уже на зубах навязли. И я ответила в том смысле, что не его собачье дело, чем я занимаюсь, не нравится – скатертью дорога, никто не держит, не надоело?

Кажется, я обозвала его шовинистом с комплексом превосходства, которому не нужна личность, а нужна игрушка, но я не игрушка, а, наоборот, полноценная личность, а потому... потому... не дождетесь! Не помню, что я еще кричала. Не помню. Помню только звон в ушах от собственного противного визга.

В итоге он поднялся и ушел, хлопнув дверью. У него тоже был тяжелый день, и погода достала. И своя гордость, пусть даже шовинистическая. И вообще, нас очень обижает, когда наши шуточки не «всасываются» и никто не смеется. Через неделю я поняла, что дело, кажется, зашло куда-то в тупик, мне бы позвонить, сделав вид, что все в ажуре и «может, поужинаем вместе?». Но я закусила удила – бывают такие состояния у человека, когда самые невинные замечания вызывают взрыв и человек идет вразнос. Потом жалеет, но... гордость, проклятая гордость! И вечное – а почему это я первая?

Он не позвонил ни через месяц, ни через два. А потом позвонила Галка, в семь утра, и сказала, что... да вы уже знаете! Сядь, сказала Галка. Твой Ситников женится!

Больно, больно, больно...

Мое второе «я» по имени Каспар со стоном вздыхало, откашливалось и робко пыталось убедить меня, что еще не вечер и впереди еще много хорошего, но уверенности в голосе не было.

Почему Каспар, спросите вы? Почему вдруг Каспар? Что за Каспар такой? Потому! Вроде того мультяшного привидения, то ли есть, то ли нету. Внутренний голос, второе «я», вечно сомневающееся, зудящее, упрекающее...

Даже Купер, мой кот, что-то чувствовал – вспрыгивал мне на колени, громко мурлыкал и терся макушкой о мое лицо. Прodelывал он это не в надежде, что обломится лишний кусок, а жалея меня. Дожила...

Ладно, хватит ныть, одернула я себя. На чем мы остановились? Суббота, утро, летная погода, я в раздумьях, куда отправиться и где пить кофе. Звонок в дверь. На часах – десять. Кто бы это? Как там у классика: *«Это только гость, блуждая, постучался в дверь ко мне... поздний гость приюта просит...»*, и так далее. Только мой гость ранний. И я эту раннюю пташку прекрасно знаю. Прибежала с утречка пораньше проявить заботу, сварить кофе и нажать картошки. Галка лечит жареной картошкой нервные срывы и депрессии, причем, необходимо заметить, помогает. Во всяком случае, ей самой. А если с пивом, тогда вообще!

Я не ошиблась! Галка, румяная, холодная, пахнущая морозом, бросилась мне на шею и закричала:

– Катюха, погодка – зашибись! Пошли подышим! Я своих бросила на Веника, в конце концов, отец он или не отец? Пусть воспитывает.

Мы пили кофе и болтали под уютное бормотание телевизора на холодильнике. Вдруг Галка сказала страшным голосом:

– Тише! Повторяют вчерашние новости! Я уже видела!

Такси столкнулось с внедорожником, вопли сирен, гаишники, «Скорая»... Суетятся люди в белых халатах, на носилках женщина без сознания, глаза закрыты, белая шубка распахнута, правая рука свесилась – блеснуло колечко. На углу Пятницкой и проспекта Мира, по вине водителя внедорожника. Сюжет идет минуту – женщина на носилках, возбужденный частящий голос репортера...

– Вот она, наша жизнь, миг – и нету! – заметила Галка философски. – Бедная женщина...

Мы допили кофе и отправились в парк, где гуляло полгорода. Золотые купола, незамерзшая река с дымящейся лиловой водой, сверкающий лед по кромке берега, занесенные снегом пляжи и луга за рекой – сколько глаз хватает. На горизонте стоял стеной черный лес, горело солнце, и небо светилось синевой...

День был прекрасный, и я впервые за долгое время подумала, что жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Галка почувствовала мое настроение и сказала:

– Катюха, ты не забыла, что через три недели Новый год? Придешь к нам, поняла?

Что ни говори, а Новый год – это самый радостный праздник, – ты снова маленькая, все впереди и подарки под елкой! Я вспомнила, как два года назад, тридцать первого декабря, в десять вечера, Ситников позвонил и сказал...

– Эй! – Галка дернула меня за рукав. – Ты чего, Катюха? Выше нос, мы еще постриптизим!

...он сказал, что хочет поздравить меня, а я ответила... Мы накануне разбежались навсегда, и я не ожидала его звонка! Я даже не думала о нем... Или нет, думала, но не верила, что он позвонит, и когда услышала в трубке его голос...

Я снова вздыхаю. Перед глазами картинка: я, радостная, примеряю вечернее платье, длинное, черное, с алмазной пылью на плечах и груди, поднимаю кверху волосы... Я тороплюсь, потому что нужно успеть до его прихода, а времени остается совсем ничего.

Я привела его к Галке... Он потом сказал – на смотрины, и Галка влюбилась в него с первого взгляда. Ее Веник сбежал в очередной раз, и Ситников был единственным мужчи-

ной на нашем новогоднем девичнике. Он ухаживал за дамами – была еще Галкина безмужняя соседка Аля, та, что безуспешно посещает клуб знакомств, – открывал шампанское, рассказывал смешные истории, играл в прятки с детьми. И танцевал со всеми по очереди. Мы танцевали, глаза в глаза, настроение у меня было шальное, и он вдруг поцеловал меня – легко, украдкой, преувеличенно испуганно оглянувшись, и мы так и покатались...

Мы хохотали до упаду над его незатейливыми шуточками, потом пошли на площадь к елке, и Ситников выиграл приз в тире – плюшевого медвежонка. Медвежонок до сих пор сидит на моем диване. Наверное, это было счастье...

А потом он женился на модельке, напомнил Каспар.

А потом он женился на модельке...

Галка смотрела на меня во все глаза, и я поняла, что ей вспомнилось то же самое.

Когда влюбляешься, то думаешь, что это навсегда, что между вами протянулась... нет, не ниточка, а канат, навеки вас соединивший, что можно кричать, и скандалить, и бросаться подушками, что все это понарошку – театр, игра, укрощение строптивого, понимая в глубине души, что все вздор и не повод для драки, что можно бы уступить, признать неправоту, смолчать, сделать усилие, но нет! Как же поступиться принципами, почему я, а не он... и вообще, как говорили древние: ссоры влюбленных – возрождение *любви*. Верно, все так, но... лишь до определенной черты, после которой начинается усталость, раздражение и желание покоя и тишины.

– Признайся, ты была не права, – зудит Каспар. – Умные люди всегда могут договориться.

– Заткнись!

– Юпитер, ты сердисься, значит, не прав! – ноет Каспар.

– Ты что-то сказала? – спрашивает Галка.

Я качаю головой – нет. Молчу как рыба, барахтаюсь в теплой воде памяти.

– Хочешь мороженого? Вот теремок! Шоколадное, с орешками! – соблазняет Галка.

– Знаешь, Галюсь, мне все время кажется, что я сейчас на них наткнусь, – говорю я неожиданно для себя. В моем голосе скулящие нотки и жалоба. Я шарю взглядом по лицам, вся в ожидании, что вот-вот... Она в шикарной шубе, он в своей короткой куртке – мы покупали ее вместе... Они смеются, она смотрит на него влюбленными глазами, а он – сильный, самоуверенный, счастливый! Хватит!

– Не наткнешься, – говорит Галка, окинув меня сожалеющим взглядом. – Они сейчас в Риме, останутся до Рождества, а на Новый год домой. Не хотела говорить...

Я молчу – а что же тут скажешь? Мне больно... Господи, как мне больно! В горле ком, глазам мокро и холодно. И яркая картинка перед глазами: Рим, близкое Рождество, их Рождество, иллюминация, гирлянды разноцветных фонариков, елки на площадях... Мессы и литургии в церквях, прекрасная музыка, поют суперзнаменитости. Он что, всех своих женщин возит в Рим?

Мы были там вместе, отель «Вилла Пиранделло». Сто лет назад...

Эх, Катюха, стоит ли твоя «Охота» этого? Не слишком ли велика плата?

Галка и Каспар молчат. В моей голове заезженной пластинкой крутятся полузабытые строчки: «*О темный ангел одиночества, ты веешь вновь и шепчешь вновь свои пророчества – не верь в любовь...*»²

О темный ангел одиночества, о темный ангел одиночества, о темный ангел...

² Д. Мережковский. «Темный ангел».

Глава 3

Клиент

Он пришел почти перед закрытием – большой, прекрасно одетый, в возрасте до пятидесяти. На плечах его сверкали снежинки. Он отряхнулся у порога, напомнив мне большого пса, снял черную норковую шапку.

– Добрый вечер. Госпожа Берест? – Улыбка, подкупающе теплый взгляд...

– Да. Здравствуйте. Чем могу?

– Я прочитал о вас в газете, прекрасная статья. Этот Лео Глюк – талантливый репортер.

Я почувствовала, что краснею. Лео Глюк – «сценическое» имя Леша Добродеева, ситниковского приятеля, доставшегося мне по наследству. Вернее, одно из. Он пишет на разные темы – от истории городских катакомб до летающих тарелок, – и все под разными именами. Он давно собирался «разоблачить» меня перед народом, да все руки не доходили, а несколько дней назад вдруг позвонил и закричал:

– Малышаня, я тут про тебя материалец накопал, ты не против?

Я сказала, что хотела бы прочитать, но Леша жизнерадостно заявил, что пришлет газету, материал уже сдан, завтра тиснут – ивуаля! И к чему нам всякие недужные формальности и дамское кокетство.

– Завтра проснешься знаменитой, малышаня. Ты же знаешь, как я тебя люблю? Поверь старику Добродееву: материал – пальчики оближешь!

Ну что вам сказать... В статье было все: и романтика опасной профессии, и женской и просто человеческой красоты, и суровых будней, и работы до упаду по ночам, когда город спит, и скупых слез счастья, когда удастся уберечь кого-нибудь от бандитской пули.

«Бред какой-то, – пробормотала я, чувствуя, как вспыхивают уши. – Совсем свихнулся, лучше бы сочинял про тарелки».

Можете представить себе восторг «охотников» – они выучили статью наизусть и цитировали где ни попадя, а Петюша сказал:

– Ты чего, Катюха, классная заметка, теперь клиент косяком повалит. А он прав, этот Лева – ты у нас *«нежная и тонкая, стремительная, как королевская яхта, с танцующими движениями»!* – Он не выдержал и заржал. – Аж дух захватывает! Талантище!

Галке статья очень понравилась, и она стала зачитывать прямо по телефону самые красивые места, и я отключилась. Сначала я хотела позвонить Добродееву и высказать все, что о нем думаю, но потом поняла, что он *так* меня видит! Он не насмехается – он действительно так меня видит. Стремительной и танцующей, как яхта в океане. Лешка болтлив – рот не закрывается, фантазия зашкаливает, у него свое видение... меня, людей, окружающей среды, он пребывает в перманентном восхищении по любому поводу и верит в летающие тарелки. Или делает вид, что верит, причем очень убедительно. Так он устроен. Прекрасный характер!

А с другой стороны, никто никогда не называл меня танцующей яхтой. Конечно, можно хихикать и скалить зубы, но ведь красиво! Красиво, черт подери! Легкий бриз, надутые паруса, счастливые острова на горизонте... Борзому перу Лешки принадлежал репортаж о балерине нашего театра, где он поделился своими глубокими впечатлениями от ее танца: так и кажется, будто у нее не две ноги, а много больше! Весь театр от злорадного восторга выпал в осадок. А яхта... это вам не лишние ноги!

– А давай переименуем контору в «Танцующую яхту», а? – зубоскалил Петюша. – А что, тоже красиво! – В свое время он изо всех сопротивлялся «Королевской охоте», при дядьке мы назывались скупой и по-мужски: «Щит и меч».

– Я вас слушаю, – сказала я официально. – Прошу вас, садитесь.

Он сел напротив, внимательно меня разглядывая, улыбаясь. Приятное лицо, седые виски, хорошо и дорого одет. Красивая одежда – моя слабость. Ситникову, например, было глубоко наплевать на свой внешний вид. . . Я вздыхаю, смотрю вопросительно.

– Я ищу человека, женщину, – говорит он.

– Мы не детективное агентство, мы охрана. Телохранители, – отвечаю я. – Так что не по адресу.

– Я знаю, я навел справки. Но вы. . . – Он вздохнул. – Давайте с самого начала. Вас зовут Екатерина?..

– Васильевна.

– Очень приятно, я – Сергей Владимирович. Несколько лет назад, Екатерина Васильевна, а точнее восемь, был убит и ограблен мой близкий друг. Убийцу не нашли. Это случилось в городе Н. Женщину, его подругу, тоже не нашли, она исчезла. Дело провисло и в конце концов было закрыто, насколько мне известно. Она из вашего города, и я подумал, что она могла вернуться домой. Мне нужно найти ее и расспросить, что там произошло. Я не думаю, что она убийца, но. . . поручиться не могу, как вы понимаете. Кроме того, я читал о вас в газете, и там было прямо сказано: помогает правоохранительным органам в следственной работе.

– Но я не могу, это не наш профиль, – запротестовала я. – Мы не ищем пропавших людей.

– Прошу вас, не отказывайте мне сразу, Екатерина Васильевна. Я в вашем городе всего пару дней, только с поезда, у меня здесь никого нет. Я обратился в местный адресный стол, но там Нонна Гарань – так ее зовут – не значится.

– Почему только сейчас? – невольно заинтересовалась я.

– Раньше не получалось. Меня не было в стране, я смог вернуться только сейчас. Вы умная женщина, у вас знакомства в определенных сферах, это ваш город, наконец. . .

– Почему бы вам не нанять детектива?

Он слегка пожал плечами:

– Я верю в женскую интуицию, Екатерина Васильевна. Кто может разыскать женщину в стогу сена, если не другая женщина? Этот Лео Глюк так замечательно написал о вашей женской интуиции. . .

Я вспыхнула, взглянула испытующе. Чертов Лешка! Если этот процитирует про танцующую яхту, я откажу ему! Но он не процитировал про яхту, наверное, почувствовал что-то. В его глазах не было насмешки, он смотрел на меня доброжелательно, чуть улыбаясь, и я невольно улыбнулась в ответ.

Он расценил мою улыбку как согласие и сказал:

– Ну и прекрасно! Обсудим детали. У меня есть кое-какая информация о ней. . .

Он раскрыл кожаную папку и достал пластиковый файл, протянул мне. Я взяла, полная любопытства. Не удержалась – Каспар называет это «детективным зудом». Там был исписанный листок – имя, примерный возраст, местный адрес. И любительская фотография. Цветная, с преобладанием зеленого, как будто снимали под водой, с размытым фокусом, снятая дешевой мыльницей. . .

– Я был по этому адресу – квартира сдается, жильцы нигде не регистрируются. То есть она могла снимать эту квартиру, но никто ее не помнит, даже владельцы. Возможно, снимал кто-то другой, а она просто жила там. Мой друг встретил Нонну в этом городе около десяти лет назад, и она уехала с ним. Я никогда ее не встречал, но видел на фотографии. На этой. – Он кивнул на фотографию.

– Подождите. . . – все еще сопротивлялась я. – Я не уверена, что. . .

– Я знаю, что она была не то моделью, не то актрисой, и ее фотография висела в витрине фотоателье в центре города, друг рассказывал. Он увидел ее и сразу влюбился. Познакомился, и они стали встречаться. А потом уехали вместе. – Он помолчал. – Я понимаю ваши опасения, Екатерина Васильевна, но почему бы не попробовать? Терять нам нечего.

Он улыбался своей подкупающей улыбкой. «В чем в чем, а в обаянии ему не откажешь», – подумала я.

– Хорошо, я попробую, – с сомнением произнесла я, рассматривая фотографию женщины в светлом плаще у колонны старинного здания; через плечо у нее висела сумочка, и она прижимала к груди не то куклу, не то медвежонка красного цвета. У нее были темные волосы, челка, закрывающая лоб, выющаяся прядка падала на глаз. – Здесь ничего нельзя рассмотреть...

– Понимаю, – перебил он. – Я все понимаю, дорогая Екатерина Васильевна. Попробуйте, я не требую большего. Как бы там ни было, фотография дает представление о росте Нонны, ее стати. Смотрите, у нее длинная шея, округлые плечи, она худощавая, цвет волос, как я понимаю, не приметя. – Он рассмеялся. – У меня есть ваш телефон, я буду звонить. Вот моя визитка. – Он протянул мне белый прямоугольник.

Он преувеличенно серьезно называл меня по имени-отчеству, повторял мое имя, рассматривал... нет, присматривался ко мне с доброжелательным любопытством и легкой иронией. В конце концов у меня загорелись щеки и кончики ушей. Вот наказание! Краснею, как школьница... даже неловко.

– «Сергей Владимирович Шеремет, бизнес-консалтинг», – прочитала я.

– В каком-то смысле мы коллеги, – пошутил он, поднимаясь. – До свидания, Екатерина Васильевна. – Он поднялся, протянул мне руку, я протянула свою – и он задержал ее...

...А вечером, легок на помине, позвонил Леша Добродеев и сказал, что мы идем в гости. Завтра вечером. В одну обалденно интересную компанию. Его старые друзья, замечательные люди, творческая интеллигенция – страшно яйцеголовые, но классные ребята. Особенно Женька, который профессор и пишет книжки. И отказов он не принимает. Форма одежды вечерняя, смокинг и бабочка.

– Слышишь, малышаня! – кричал радостно Леша. – Сто лет тебя не видел! Надеюсь, они тебе понравятся. Я подхватываю тебя завтра в восемь. Они все бьют копытом, хотят тебя увидеть и потрогать. Читали мой материал, восторг полнейший! Никто и понятия не имел, что такая замечательная личность прозябает у нас в городе. Я горд, малышаня, говорю – моя старинная подруга, Екатерина Берест, потрясающая женщина!

«Женщина-яхта!» – подумала я.

– Леша, я боюсь незнакомых компаний...

– А я? – удивился он. – Ты же не одна, с тобой же я, твой верный паж!

Я только хмыкнула – хорош паж! С живым весом в сто сорок кэгэ! Да-да, не меньше, что не мешает ему, трясая изрядным животом, вприпрыжку нестись по жизни.

– Ничего не хочу слышать! – кричал Лешка. – А то закопалась, ушла в подполье... До завтра! С большим приветом, твой верный друг Алексей Добродеев! Чмок тебя! Чмок, чмок, чмок!

С громким кучерским чмоканьем он отключился, и я осталась одна, вся в сомнениях – идти или не идти, какое платье надеть, и вообще, нужно ли – я теряюсь при чужих. Одним словом – быть или не быть. Права Галка – теряю социальные навыки, шарахаюсь от людей, разучилась быть красивой и беззаботной... Рабочая лошадка! Вот-вот, не танцующая яхта, а рабочая лошадь. И Ситников намекал... в смысле требовал – Ситников не умеет намекать, Ситников умеет требовать и рубить сплеча! Да брось ты, Катюха, свой небабский бизнес, требовал Ситников. На хрен тебе эта обуза? Ты красивая женщина, я тебя люблю... Нет! Ситников ни разу не сказал, что любит меня. Ни разу! В глазах зашипало... Ну вот, начинается! Вот наказание, сколько можно? Пережито, забыто... Стоять, смирно! Подбородок вперед, зубы сцепить, брови нахмурить. И не реветь! Раз-два, левой! Вперед, в спальню, на смотр парадной одежды.

Короче говоря, достала я из шкафа все свои платья, бросила на кровать, принялась примерять одно за другим. Крутилась перед зеркалом, вешала на себя бижутерию, рассматривала ногти, забывшие о маникюре...

Остановилась я на темно-синем платье с глубоким вырезом, сказала: «Выше нос, Катюха!» – и уселась перед зеркалом, высыпав перед собой гору косметики. Принялась неторопливо краситься... репетировать!

Купер уселся рядом, шурясь, поставив зрачки вертикально, не сводил с меня внимательных глаз – похоже, удивлялся.

– Ты... это... полегче, – нарисовался озабоченный Каспар. – Эти интеллигенты... у них другие ценности, между прочим. И с бижу осторожней, нитка жемчуга... или там медальон с бирюзой, и хватит. Сейчас уже никто не красится, никакой агрессии, разве что малолетки. И бесцветный лак на ногтях – упаси боже, никаких фиолетов и малины!

– Только не надо учить меня жить! – ответила я, намазывая губы бежевой помадой. – Сам с усам!

О моем новом клиенте, бизнес-консультанте Сергее Владимировиче Шеремете, я совершенно забыла...

Глава 4

Мрак и ночь

Девушка постучала, за дверью номера раздались неторопливые шаги. Дверь распахнулась – на пороге стоял высокий мужчина в свитере и джинсах. Девушка улыбнулась – он посторонился, пропуская ее.

Некоторое время они рассматривали друг друга. Девушка – рослая, хорошо одетая, сильно накрашенная – с той неистребимой печатью в облике, на лице, в глазах, которую налагает продажа любовных утех за деньги. Профессионалка. Профи. Деловита – расчет по времени, твердая такса: за час, за два, за ночь, и деньги вперед. Удобна – ничего не стесняется, ничему не удивляется, совокупились – и разбежались навеки. Хорошая актриса – отыграет и страсть, и наивность; по желанию клиента расскажет историю падения – в двенадцать лет, в одиннадцать, в десять... от рук соседа, мужика сорока... – оценивающий взгляд на клиента... – сорока пяти, директора школы, кругом положительного, тем самым разжигая партнера и выкладывая такие детали, от которых его начинает плющить похлеще, чем от виагры. Она знает о них все – об их тайных мыслях и желаниях, самых гнусных, самых грязных; с ней легко, свои деньги она честно отработывает. А деньги, нужно заметить, немалые. Девушка для состоятельных.

О, как он их ненавидел! За деловитость, бесчувственность, жесткость, за то, что всякий может их купить... Но при его образе жизни он мог позволить себе только такой полуфабрикат, фастфуд, «живое мясо». И, разрываясь от презрения к ним и похоти, он прибегал к их услугам.

Девушка улыбнулась.

– Меня зовут Лиза. – Мила, дружелюбна, в глазах равнодушие и пустота. – Может, выпьем? Я люблю шампанское.

Она сидела на диване, не касаясь спинки – как на рауте. Приличная девушка из хорошей семьи. Прекрасно одетая. И шампанское она не лакала, а пила медленно, маленькими глотками. И взгляд не нахальный. Встречаясь с ним глазами, она чуть улыбалась. Он не стал пить, поставил свой бокал на журнальный столик. Он видел ее горло, она пила, и по горлу словно пробежала маленькая волна... Он непроизвольно сглотнул. Красивые волосы – каштановые, – на чем он всегда настаивал. Гостиничный дежурный, сутенер по совместительству, сказал, закатывая глаза, что есть у него девочка... натуральная блондинка... Нет, сказал он, волосы должны быть каштановыми.

...Она провела ладонью по его щеке, и он притянул ее к себе. Целовалась она профессионально. Он, пьянея и теряя голову, впился в ее рот. Она застонала – то ли он сделал ей больно, то ли подыгрывая ему, – а ее руки уже расстегивали ворот его рубахи...

...Она была хороша! Она недаром брала деньги. Уже потом она лежала нагая, опираясь на подушки, запрокинув за голову руки, с улыбкой глядя на него. Прекрасное тело, длинные ноги, прекрасные каштановые волосы, умеренный загар... Он жадно рассматривал ее, чувствуя, как подкатывает из глубин то самое состояние, которого он боялся и тайно желал, потому что только оно давало ему разрядку на некоторое время, недолгий промежуток расслабленности и облегчения... до следующего раза, приступа, обострения...

Она протянула руку – собиралась погладить по лицу или груди. Он перехватил руку и спросил хрипло, как ее зовут.

Лиза, ответила она с улыбкой, а взгляд невольно метнулся к часам на тумбочке – который час, сколько осталось до конца... сеанса и можно ли уже... завершать. Она казалась спокойной, но он видел, что ей не по себе – она почувствовала что-то своим обостренным чутьем профессионалки. Он видел ее насквозь... Он всех их видел насквозь, к сожалению, мужчин

и женщин, и знал, что последует дальше. Он тоже был профи. Это чувство было его наркотиком, и он, как всякий наркоман, должен был принять дозу. Всякий раз он надеялся, что повторится чувство некоей сопричастности, похожести, одной крови... его и женщины, но чувства этого все не было.

Она попыталась вскочить с постели, но он отбросил ее назад. Она закричала, и он закрыл ей рот ладонью. В глазах женщины был ужас. Она извивалась, пытаясь освободиться, – он чувствовал ее сильное горячее тело; она укусила его – он вскрикнул от боли и отдернул руку. Зверая, сжал ее шею и давил все сильнее и сильнее... пока она не затихла. И тогда он убрал руки...

Прилег рядом с телом, достал с прикроватной тумбочки сигареты, затянулся. Он устал и хотел спать; голова была пуста – там тонко, по-комариному, звенело...

...Он проспал два часа. Проснувшись, он был бодр и собран, давешнего «размазанного» состояния не было и в помине. Он поднялся, не глядя, набросил простыню на мертвое тело и стал одеваться. Спокойно, неторопливо собрал в кожаную сумку пустую бутылку от шампанского, бокалы, пепельницу; носовым платком тщательно протер ручки и поверхности, на которых могли остаться отпечатки пальцев. Тщательно осмотрел пол, журнальный столик, затем ванную комнату. Мельком взглянул на себя в зеркало, кивнул – привет, курилка!

О девушке он уже не помнил...

Постоял у двери, прислушиваясь к звукам снаружи, дождался тишины и шагнул за порог. Не торопясь пошел к служебному выходу на лестницу, минуя лифт. Через несколько минут он появился в вестибюле – там былолюдно – и проследовал до выхода. Кивнул швейцару и смешался с толпой...

...Его видел дежурный, который оформил клиента в гостиницу; паспорт принадлежал человеку, заявившему о краже документов около полугода назад, – некоему Лыгарю Семену Владимировичу. Девушку звали Людмила Прохорова, и дежурный понятия не имел, когда и как она попала в номер – народу много, головы поднять нельзя. Как раз подгадали студенты-туристы. Он в изумлении таращил глаза и разводил руками...

Майор Мельник, который проводил беседу, разу-меется, ему не поверил, зная, что система поставки девушек клиентам работает бесперебойно и номера здесь снимаются не только на сутки, но и на пару часов. Но он промолчал, сделав вид, что это ему неизвестно – пусть говорит пока что знает, а потом вместе будут вспоминать детали.

Как он выглядел? Дежурный задумался. Он прекрасно знал, что оперативник видит его насквозь, но в чем же его вина? Он позвонил Людмиле со своего мобильного... ну прихватят его... и что? Мужчине было одиноко, хотел поговорить... Кто же знал, что этот псих замочит... не повезло, Людка нормальная девах... была. Не он первый, не он последний. Менты смотрят на это сквозь пальцы, дело житейское, живи и давай жить другим.

– Ну как... нормальный, средних лет, в затемненных очках, крупная оправа, – начал он вспоминать, морща лоб от усердия. Оправа черная, крупная, квадратная... кажется... стекла затемненные; в кепи, темно-сером; волосы вроде темные, ничего, что бросалось бы в глаза. Черное пальто, бежевый с черным клетчатый шарф; в перчатках... все время – даже заполняя бланк, перчаток не снял... Я еще подумал, что, может, прячет какой-нибудь дефект, вроде как фаланги нет или ноготь облез, поделился дежурный. – Голос негромкий, спокойный, расплатился наличными, некрупными купюрами, кажется... причем деньги доставал из портмоне, опять не сняв перчаток. Портмоне дорогое, черной кожи, с монограммой. Какими купюрами? – Дежурный задумался, потом пожал плечами: – Ну да, снял на сутки, до двенадцати следующего дня. Ее обнаружила утром горничная, пришлось отпаивать валокордином, у них такого еще не случалось. Когда и как ушел? Наверное, еще вечером – как раз приехала тургруппа, народу было много, галдеж, ну, спустился по лестнице, наверное. Если бы лифтом, то могли заметить.

А по лестнице – не видно, дверь всегда открыта. И напрямик на выход. Ключ унес с собой. Может, Михалыч видел, он дежурил вчера...

...Майор Мельник, слывший среди коллег тугодумом и занудой, просмотрел сводки по стране и обнаружил, что убийство Людмилы Прохоровой – девятое в ряду подобных, чтобы не сказать – идентичных. То есть убийство произошло в гостинице, девушка была представительницей древнейшей профессии, номер был снят на сутки, паспорт клиент предъявил краденый, внешность его ничем в глаза не бросалась, и в четырех случаях обратили внимание, что он не снял перчаток – дело было осенью и зимой. А ведь могли быть и другие случаи, не столь узнаваемые... Получалось, что некто передвигался по стране, вернее, по центральной ее части – все убийства были совершены в крупных центральных городах, – возможно, по роду службы, являясь представителем крупной компании, ревизором, аудитором, инструктором, – и попутно совершал убийства по четко отработанной схеме. Потому и не засветился до сих пор.

Значит, убийца – человек в городе временный, приехал в командировку и остановился в приличной гостинице, предъявив чужой, скорее всего, паспорт. Один из. Дежурный сказал, что клиент производил впечатление денежного и солидного, а потому гостиница должна быть приличной. Отсюда и начнем, решил майор Мельник...

Глава 5

В гостях

По дороге Леша развлекал меня рассказами о замечательных людях, которые ждут меня не дожидаясь.

– Павлик и Нина замечательные ребята! – выкрикивал Лешка. – Он в банке генеральный директор, Нина не работает – душа-человек, вот увидишь, она тебе понравится! Оба понравятся! Женька Немировский – умница филолог, лингвист, пишет книжки. Профессор. Его подруга Марта тоже будет, редкая красавица, доложу я тебе. Они замечательная пара. Лолка придет, переводчица – девушка ядовитая, язычок раздвоенный, но эрудитка, каких мало. Всю классику в оригинале, на всех европейских языках. Ну, кто еще... может, Иван еще, ее бывший, заглянет, но не факт. Юнона обязательно, директор банка, Пашина коллега, характер нордический. Как взглянет – аж до костей пробирает! Умна... но если честно, малышаня, я ее боюсь. Вообще, она случайный человек в компании, полезное знакомство, так сказать, особенно для Павлика.

...Нина понравилась мне сразу – миловидная, приветливая, в скромной кремовой блузке и черной юбке. Она искренне обрадовалась нам – помогла раздеться, расцеловалась с Лешкой; он вручил ей цветы и коробку шоколада.

Мы были первыми. Даже Павлика, мужа, еще не было – задержался на работе. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что можно не торопясь осмотреться, плохо – потому что приперлись первыми – не терпится им, что ли? В доме вкусно пахло едой. Я огляделась – светлая мебель, много цветов, даже дерево под потолок в керамической бочке на полу – фикус с мелкими листочками.

Нина накрывала на стол, я вызвалась помочь, она обрадовалась. Лешка гудел рядом, развлекая нас городскими сплетнями.

Она была небольшая, быстрая, с темными длинными волосами и карими глазами, и красавицей не назовешь, но было в ней что-то до того искреннее, до того доброжелательное, что... красавица! Конечно, красавица, решила я.

Я вздрогнула, когда раздался дверной звонок.

– Павлик! – Нина побежала открывать.

Он стремительно вошел в комнату – большой, краснолицый, с крупной бритой головой, засверкавшей в свете люстры, – и комната сразу ужалась в размерах. Обнялся с Лешей, пробасил:

– Лешка, привет, дружан! – Приобнял меня: – Екатерина! Рад! Как же, как же, читали, в курсе. Теперь, как только нужна охрана, – сразу к вам!

Я рассматривала его во все глаза – в нем всего было щедро: рост, стать, голос, мощная грудная клетка, большие руки и ноги. Богатырь!

Снова звонок – и новый гость.

– Знакомься, малышаня, Евгений Немировский!

Видимо, тот самый Женька – интеллектуальный центр компании, яйцеголовый, что пишет книжки. Один. А где же Марта? Лешка тут спросил:

– А где Марточка, моя любимица?

Евгений пробормотал, что Марта не совсем здорова, но получилось у него неуверительно. Поссорились, решила я. Был он тонкий, длинный, с приятными, несколько мелковатыми чертами лица. Что-то мучило его, он был хмур и неразговорчив. Я поминутно ловила на себе его внимательный взгляд. Встречаясь со мной глазами, он тут же принимался рассматривать то картины на стене, то люстру.

Потом пришла Лола, переводчица, читающая классику в оригинале. Знаю я эту породу – прокуренная, тощая, с хриплым голосом, с десятком звякающих браслетов. Сильно намазанная. Громогласная, самоуверенная и злая. Стриженная под беби. В клетчатой юбке до пола и длинном черном свитере. От нее несло табаком и мрачным парфюмом. Она энергично трянула мою руку своей костлявой и холодной рукой – звякнули браслеты:

– Рада, весьма! Лешка Глюк все уши нам прожужжал! И яхта, и танцует, и стреляет из пистолета! – Тон у нее был насмешливый, она рассматривала меня в упор. Я поежилась.

Она подошла к Евгению, сидевшему на диване, упала рядом. Спросила:

– А где Марточка? Как же ты без Марточки? Она жива?

Евгений болезненно поморщился и сказал, что Марта нездорова. Я видела, как Лола смотрела на него с непонятным выражением, раздувая ноздри... что-то происходило между этими двумя... Она сидела, касаясь плечом его плеча, и он отодвинулся.

Потом пришла Юнона – высокая, самоуверенная, красивая. Дорого одетая. Она вежливо и безразлично сказала, что рада знакомству со мной, скользнула взглядом по паре на диване и уселась в кресло. Моя персона не вызвала ее интереса, статьи Лешкиной она не читала.

– Господа, прошу к столу! – зычно объявил появившийся из кухни Павлик. – Остался последний гость, но семеро одного не ждут. Опоздавшим накроем на кухне. Прошу!

Лешка настырно ухаживал за мной и за Лолой, подкладывал, наливал и трещал без умолку. Оказалось, у Нины и Павлика сегодня годовщина свадьбы. Шесть лет в строю, сказал Павлик, вручая жене подарок – маленькую черную коробочку – и целуя в лоб. Нина вспыхнула, обняла мужа, прижалась головой к его груди.

– Горько! – рявкнул Лешка, поднимая фужер с шампанским.

Павлик поцеловал жену. Поцелуй получился долгим, все смотрели на них, наступила тишина...

– Ангел пролетел! – пробубнил драматическим шепотом Лешка. – Аж завидно. Долгих лет вам, ребята! Ура!

Новый гость позвонил в дверь, когда мы приканчивали вторую бутылку шампанского. Павлик извинился и вышел. Из прихожей слышались голоса. Они появились на пороге, и я вздрогнула – это был друг любезный Юрий Алексеевич Югжеев! Я смотрела на него, не веря глазам... Вот так поворот сюжета!

– Это Юрий, мой школьный товарищ, – представил гостя Павлик. – Юра, будь как дома. Это Юнона, Евгений, Лола, Леша Добродеев, наш папарацци, и Катюша, спетая компания замечательных людей.

Взгляд Юрия уперся в меня, на лице появилось изумление, и он стал медленно багроветь.

Семь долгих лет... В итоге мы надоели друг дружке и разбежались без слез и сожалений... даже отношений не выяснили – просто перестали созваниваться. А потом случился забвенный Ситников, а потом... а потом... суп с котом. Он женился на длинной модели, а я до сих пор делаю вид, что мне по барабану. А Галка до сих пор смотрит на меня взглядом больной коровы, хотя считает, что виновата в разрыве я. Ну не Ситников же, кругом положительный и вообще штучная работа.

Я непроизвольно вздыхаю – кажется, я уже говорила об этом. Ладно, проехали. Больше не буду, честное слово!

Юрия усадили между Евгением и Лолой, и он немедленно стал сверлить меня неприятным взглядом. Я делала вид, что в упор его не вижу. Не понимаю, как можно было... Не понимаю! Он рождал во мне неприятие на подсознательном уровне. Позер, зануда и сноб. Мы не виделись около двух лет. Один? Не женился? Не похоже, да и кто его выдержит? Раздувая ноздри, я рассматривала его пулеметными очередями. Постарел курилка, постарел. Длинные кудри поредели, собраны в жидкий хвостик, нос обвис, выражение физики (одно из его излюбленных словечек!) кисло-высокомерное. Но по-прежнему значителен, солиден, чувству-

ется порода: квадратный подбородок, римский нос, прекрасной формы голова... красивые руки. Не отнимешь, признаю. Благородные седины и богемность. Лола тут же сделала стойку – поминутно просила передать воду, положить салат, налить вина...

...А потом мы говорили о любви. Распределившись, кто на диван, кто в кресла. Инициатором выступил Лешка, которому хотелось болтать и не терпелось рассказать историю, имевшую место быть с ним этим летом.

Ему дали слово, и он со вкусом, не торопясь, делая паузы в нужных местах, во время которых отхлебывал из своего бокала, рассказывал замечательную историю, приключившуюся с ним совсем недавно... не далее как этим летом. Не столько рассказал, сколько проиграл в лицах. В молодости, по слухам, он посещал театральную студию. Воображаю себе...

– Люблю бродить по городу, – задумчиво вещал Леша со сказительными интонациями в голосе, – просто так, без всякой цели, по многу часов... по паркам... с фотоаппаратом. Рассматриваю людей, новые дома... Наш город очень изменился, люди изменились, лица у них стали другие. И вот иду я по Пятницкой и вдруг вижу у бывшего кинотеатра, у самых ступенек, очаровательную троицу – двух девочек лет по пятнадцати и молодую даму поразительной красоты. Все в черном, очень взволнованные, останавливают прохожих, что-то им говорят... Никто, естественно, ни черта не понимает. Подхожу ближе и слышу – батюшки-светы! Да это ведь они по по-итальянски! Мой любимый язык! А у Добродеева, надобно вам заметить, итальянский абсолютно без акцента. – У Леша была манера говорить о себе в третьем лице, что зачастую сбивало с толку слушателя. – В Риме за своего принимают. Однажды я чуть ли не целый день таскал группу англичан по всему Риму. И они, естественно, были уверены, что я итальянец. Попросили говорить с ними по-итальянски, для практики, ну а там, где они не понимали, я, естественно, переходил на английский. Они почему-то решили, что я профессор истории, – скромно признался Леша, – и называли меня «профессоре». Ну, это уже совсем другая история.

Лола фыркнула, звякнула кольцами и закатила глаза.

– Да, так вот, подхожу я к этим женщинам, – продолжал Лешка, – говорю: «Буон джорно! Не могу ли я быть чем-нибудь полезен, мадам?» Девчушки завизжали от восторга, запрыгали и бросились мне на шею, принимая, естественно, за компатриота. За что люблю итальянцев, так это за их эмоциональность и непосредственность.

Молодая дама схватила мою руку: «Слава богу! Слава богу!» – шепчет, а на глазах слезы. Что оказывается... – Леша делает драматическую паузу. – Шестнадцать девочек из католического лицея в Турине и четыре учительницы приехали на экскурсию. Они принимали участие в конкурсе «Города Восточной Европы» и выиграли первый приз. Посетили ряд городов, приехали к нам и вдруг потерялись. Только что, сию минуту, вся группа была здесь, и вдруг никого не стало. И мобильник, как назло, сел.

Не беспокойтесь, синьора, говорю я учительнице, я вас в беде не оставлю. Как называется ваша гостиница?

Синьорита, говорит она и краснеет. Роемся в сумочке, ничего не находит, смотрит на меня с ужасом. Ну, думаю, Добродеев, напряги свои серые клетки, сообрази, что теперь с ними делать! Леша замолкает и отхлебывает из стакана. – А что бы вы сделали на моем месте? – спрашивает он, обводя нас взглядом.

– Сдать в полицию – и всех делов! – не задумываясь, брякнула Лола. – И не устраивать цирк!

– В полицию? – ужасается Леша. – А они там протокол составлять начнут, документы требовать, свидетелей. А девчушки, смотрю, уставшие... Проголодались, спрашиваю. Глазки опустили, смутились. Пошли, говорю. И повел их к себе.

Пришли, усаживаю их в гостиной, располагайтесь, говорю, как дома, а сам на кухню стряпать. Она за мной – помочь. Как я ни отказывался, она ни в какую! Так мы и стряпали,

в четыре руки. Я хлеб, мясо и овощи режу, она бутерброды делает... Милая женщина и поразительно красивая! – Он мечтательно вздыхает. – Рассказала, что окончила школу при монастыре, потом институт и теперь преподает географию и историю в католическом лицее. А лицей этот – закрытое учебное заведение, и вся жизнь ее проходит вдали от мира. И так мне ее жалко стало, не передать. А кухня тесная, двоим повернуться ну просто негде... Руки наши все время соприкасаются... Она краснеет и смущается... Да и я, признаться вам... – Лешка сконфуженно замолкает. – Признаться, чувствую что-то не то... Опомнись, Добродеев! – говорю я себе. Она же монахиня! Мы с ней нет-нет, да и встретимся глазами, и как будто искра проскакивает. Налил я всем вина красного, по чуть-чуть, хотя вино для итальянцев все равно что для нас вода, там даже дети пьют...

За встречу, говорю. Салют! «За встречу», – отвечает она тихо. Выпили. Девчушки покраснелись, аппетит у них, как у молодых зверушек, – глотают, почти не жуя. Учительница им замечание сделала, напомнила о манерах. После обеда малышки расположились на диване, учительница в кресле, и я им спел несколько итальянских песен. И в том числе мою любимую – «O sole mio».

Леша негромко запел низким приятным голосом. Нина захлопала.

– Ну а дальше? – спросила Лола. – Ты ее хоть...

– Ребята, у кого рюмки пустые? – поспешно вмешалась Нина.

– Дальше... Дальше девочки задремали, а мы с ней еще долго сидели, сначала разговаривали, потом молча... Знаете, бывает, чувствуешь, что встретил родственную душу, и не важно, на каком языке она говорит, где живет. И так мне горько стало, что через час-другой мы расстанемся навсегда! – В голосе Лешки зазвучали трагические нотки. – И она, вижу, чувствует то же самое. Потом подходит ко мне, Альоша, говорит... Я им, конечно, рассказал, что никакой я не итальянец! Альоша, говорит и кладет руки мне на плечи... глазищи черные, бездонные... губы кусает...

Лола пихает меня в бок острым локтем – звякают браслеты. Кто-то умный сказал, что лучшая история – недосказанная история. Мы молчим. Лицо у Лешки печальное и строгое. Перед мысленным взором его очаровательная сценка: он, сильный, мужественный, и прекрасная итальянка, в глазах слезы... Он целует ее тонкие пальцы... убирает ее руки со своих плеч: «Не надо, нельзя...»

Лола снова фыркнула, щелкнула зажигалкой.

– Курить можно? – Она обводит взглядом гостей. – Как ее звали, хоть помнишь? Роман-тик ты наш!

Леша открывает рот, происходит небольшая заминка.

– Кьяра! – говорит он наконец.

Лола фыркает.

– Кьяра, Мьяра, Пьяра... свисти больше, Добродеев! И вообще, я не верю в любовь, слышишь, Добродеев? Какая, к черту, любовь при нашем жизненном темпе? Все хип-хап, на ходу, перепихнулись – и гуд бай! Всем все до лампочки! И не надо тут заливать.

– Лола, ты не права. Прекрасная история! – Нина погладила Лешку по щеке. – Спасибо, Лешенька.

Леша поцеловал ей руку. Юрий смотрел на меня в упор, без улыбки, исподлобья. Мы делали вид, что незнакомы, что было просто нелепо. Иногда он переводил испытующий взгляд на Лешу и Евгения, пытаюсь, видимо, определить степень нашей близости. Евгений, похоже, не слушал вовсе и думал о своем. Юнона не сводила с него взгляда. Павлик, пританцовывая, убирал со стола. Он был наряжен в клетчатый красно-синий фартук с кроликом и морковкой. Мужчина в фартуке выглядит трогательно и беззащитно, так и кажется, что его можно взять голыми руками.

– А что думаете о любви вы, Юрий? – спросила вдруг Лола.

Юрий вздрогнул от неожиданности и после легкой заминки изрек:

– Любовь – это дуэль.

Я рассмеялась – вечный выпендрей! Просто тошнит!

– Согласна, – заявила Лола, кивнув. – Антагонизм, соперничество, война.

Родственные души, однако.

– Ничего вы, ребята, в любви не понимаете, – пробасил Павел. – Лешка, классная история. А что было потом?

Леша развел руками – увы.

– Знаете, господа, французы говорят: «Ле фам ки пас»³ – женщины, которые проходят мимо... Знаете, господа, это была моя женщина, которая прошла мимо. – Он печально покинул.

– Да-а, Добродеев, однако, упустил ты свой шанец свалить в Италию, – сказала Лола. – Если не врешь, конечно.

– Кофе, чай? – спросила Нина.

– Кофе! – сказала Лола. И добавила мне на ухо: – А где, интересно, была его благоверная? На даче? Картошку окучивала? Бред сивой кобылы!

– Почему? – шепотом спрашиваю я.

– Случилось летом, а донес до общественности только сейчас? Это при его патологической болтливости? Кроме того, похожий сюжетец уже попадался мне где-то в литературе. Лешка все время врет! Да и имя выдумал прямо сейчас, с ходу. Ты с ним давно знакома?

– Пару лет.

– Должна знать. А кто этот Юрий? Чем занимается?

– Врач.

– Врач? Я думала, актер. Что-то в нем... этакое. Ты его знаешь? Что за человек?

Я пожала плечами и не ответила.

– Женька сегодня один, без женщины своей мечты, что есть удивительно – он без нее никуда, – продолжала Лола. – А наша Леди-деньги все глазки об него обломала, все надеется, бедная.

– Кто?

– Юнона! Леди-деньги, кликуха такая. Она с ума сходит, а ему по фигу. Ему с ней и говорить-то не о чем, она совсем темная, но деньги считает будь здоров. Господи, какая тоска! Всегда одно и то же. Лешка врет, банкирша молчит, Женька молится на Марту... Жаль, нет ее сегодня, посмотрела бы ты на это чудо! Кривляка, манерная, сюсюкает... Нина одна нормальная в этом паноптикуме. Конечно, с таким супружником! Пашка – настоящий мужик, и с деньгами. Господи, как хочется денежного мужика, чтобы ни о чем не думать и расслабиться! А попадается все время всякое дерьмо, которое надо содержать. Ты замужем?

Прыжки мысли, однако.

– Уже нет, – отвечаю. – Была.

– А что у тебя с Лешкой?

Я рассмеялась.

– Понятно. – Она достала новую сигарету.

Около полуночи стали прощаться. Евгений, к моему удивлению, ушел первым. Я была уверена, что он проводит Юнону или Лолу. Настроение у Юноны испортилось, что было видно невооруженным взглядом. Леша предложил отвезти ее домой, но она сказала, что доберется сама. Лола повесилась на Юрия – они ушли вместе.

Когда мы усаживались в такси, из-за афишной тумбы вынырнул человек. Это был Евгений.

³ Les femmes qui passent (фр.)

Глава 6

Евгений и Марта

– Женя с нами, не против, малышня? – спросил Добродеев. – Мы к нему, а потом я тебя закину домой. На полчаса всего, лады?

– Извините, Катя, за партизанские методы, но мне очень нужно поговорить с вами, – вмешался Евгений. – И я попросил Алексея... Пожалуйста, это очень важно.

– Конечно, пожалуйста, – пробормотала я, озадаченная.

– Спасибо, Катя. Вы не представляете себе... я пришел к ребятам только из-за вас.

– Катенька, я ничего не знал, это не заговор, малышня, честное слово! – заюлил Добродеев. – Женя отказался идти к Павлику, а когда узнал, что будешь ты, сразу примчался.

Я пожала плечами, и мы поехали к Евгению Немировскому. Я думала, что увижу Марту – после слов Лолы мне хотелось посмотреть на нее. Но Марты дома не оказалось.

Евгений жил в старом доме, в большой квартире – не знаю, сколько было в ней комнат, думаю, по меньшей мере три. В гостиной – солидная тяжелая мебель, толстый ковер на полу в оливковых тонах, портьеры в масть, мерцание хрусталя, массивные диваны и кресла. Картины в старинных рамах – пейзажи, жанровые сцены; на одной – бурлаки, тянущие баржу, которые сюда явно не вписывались.

– Алеша, может, кофе? – произнес Евгений, и Добродеев, мигом сообразивший, что к чему, улетел на кухню. – Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз, Катя.

Он смотрел на меня измученными большим глазами, и я подумала, что случилось непонятное. И последние четыре часа он провел, умирая от беспокойства и считая минуты. Что же у него стряслось?

Он привел меня в кабинет, включил настольную лампу. Комната напоминала библиотеку – стены были закрыты стеллажами: здесь были старинные фолианты с золотыми корешками, современные издания – отдельные тома, потрепанные и новые, собрания сочинений, толстые журналы, мелкие брошюры и разноцветные папки, набитые бумагами.

– Спасибо, Катя... я... очень надеюсь, что вы сможете помочь. Больше бросаться мне некуда. Я с ума схожу... Так получилось, что в последние дни я был занят, мы проводили круглый стол по билингвизму. Тема очень популярна сейчас, когда многие соотечественники оказались за рубежом. Приехали коллеги из Франции, Бельгии, Италии, Штатов. Двоих я приютил у себя, а Марта ушла к себе. Мы живем на два дома – у нее своя квартира. В последний раз я говорил с ней в четверг утром... девятого декабря, все было в порядке, в тот день было открытие, работы невпроворот, всякие организационные вопросы. Потом, как водится, посидели у меня... На следующее утро, в пятницу, снова дым коромыслом, я позвонил Марте, но она не ответила, я наговорил на автоответчик. И все.

– Все?

– Все. Марта исчезла. Она не перезвонила мне в пятницу, а я не хватился – у нас был банкет, в субботу я был занят в первой половине дня, потом поехал к ней, но дома ее не было. На звонки она не отвечает, ее мобильный телефон молчит. Просто молчит, как будто его нет. В субботу я остался у нее, ждал, не ложился до утра, потом стал обзванивать больницы и травмпункты. Утром в воскресенье пошел в полицию, написал заявление. Мне сказали ждать, может, она вернется. Но... это полнейшая бессмыслица, она не могла уйти или уехать, не сказавшись, Марта не такой человек! Я не понимаю, что происходит! Сегодня вторник... пятый день! В воскресенье днем позвонила моя родственница и спросила, где Марта. Она рассказала, что в пятницу в вечерних новостях был сюжет о ДТП, и мелькнул кадр – женщина на носилках, и ей показалось, что это Марта. Я позвонил в студию, нашел знакомых, добился, чтобы мне

показали ролик. У меня есть копия. Женщина действительно похожа на Марту, но поручиться не могу. Паспорта ее никто не проверял. Белая шубка, везде кровь, вопли сирен...

Он закрыл лицо руками и заплакал. Я никогда не видела, как плачут мужчины, поверьте, это было страшно. Я вскочила и бросилась вон из кабинета. По звукам нашла кухню – Добродеев колдовал над кофе и мурлыкал себе под нос что-то из итальянцев.

– Леша, воды! Евгению плохо!

Он схватил стакан, сунул под кран, и мы побежали в кабинет. Евгений пил, громко глотая, а мы смотрели на него.

– Что случилось? – спросил тихонько Добродеев. – Это... Марта?

Я кивнула:

– Марта пропала. Сегодня пятый день.

– И он только сейчас... Да я немедленно подниму на ноги весь город! – закричал Добродеев. – У меня везде свои люди! Да мы ее из-под земли... – Он осекся. – Женя, что случилось? – Он потряс Евгения за плечо. – Очнись! Ты можешь все старику Добродееву... ты же знаешь, как я ее люблю! Женя, не молчи, скажи хоть что-нибудь! Да говори же ты, наконец!

– Леша, не кричи, – сказала я. – Сядь и слушай. Только, как ты понимаешь, это не для прессы.

– Катенька, девочка моя, это как раз для прессы! Нужно звонить во все колокола! Кричать нужно! Муж Марты был известный человек, миллионер, мало ли... какие счета и претензии... Может, с целью выкупа! Рассказывай, Женя. Старик Добродеев не вчера родился, он знает, что нужно делать.

Евгений, беспомощно взглянув на меня, повторил свой рассказ. Потом мы посмотрели ролик – минута всего, как взрыв, как удар. Я уже видела этот сюжет в новостях. Женщина на носилках, кровь, сирены, вспышки блицев...

– Это не Марта! – заявил Леша. – Похожа, но не она. Поверьте моему чутью! А ты проверил больницы? А... – Он взглянул на меня и запнулся, и я мысленно закончила фразу: – ...морги?

– Я думал, Катя поможет, – хрипло произнес Евгений. – У нее связи, опыт...

– Я даже не знаю с чего начать... – запротестовала я. – Какой опыт!

– Я знаю! – деловито сказал Добродеев. – Евгений, соберись! Мне нужны фотографии Марты, паспортные данные, адрес, имена подруг.

– Леша, погоди. Я хочу, чтобы этим занялась Катя... понимаешь, ты... ты... как торпеда, а здесь нужно иначе... мне так кажется.

«Иначе? – подумала я. – Как иначе? Или он чего-то недоговаривает?»

– Не дурак, понял! – Леша не обиделся. – Мы будем обсуждать ходы вместе. Возможно, ты прав, женская интуиция... я бы назвал это хитростью, это, брат, большое дело! И потом, женщине не откажешь. (Что он имел в виду – одному Богу известно!) С чего начнем?

Евгений взглянул на меня, и я сказала:

– Леша, я устала, сейчас ночь, давай отправимся по домам, а завтра созвонимся.

Добродеев был разочарован. Он хотел немедленно бежать и действовать. Взглянув на поникшего Евгения, он перевел взгляд на меня и сдался.

Я спрятала в сумочку фотографию Марты, и мы отправились по домам. Прощаясь, Евгений сжал мне руку и заглянул в глаза. Шепнул одними губами: «Позвоните мне!» Я кивнула. Похоже, мы превратились в заговорщиков. Леша громогласно развивал план поисков, громогласно прощался, застегивал на мне шубу и обнимался с Евгением...

На улице он сказал:

– Пошли, малышня, посидим где-нибудь. После кофию сна ни в одном глазу. Да и настроение скверное. Пошли! Детское время... – Он посмотрел на часы. – Два! Всего-навсего. Есть здесь одно местечко, открыто до трех.

И мы пошли в одно местечко. Это была полутемная нора, где сидели трое-четверо полуночников и пахло разлитым пивом. Лешка действительно всеяден! Мне хотелось расспросить о Марте. Лола сказала – манерная кривляка... Они оба – Марта и Евгений – интересовали меня все больше.

– Пиво будешь? – спросил Леша.

Я рассмеялась.

– Ну хоть что-нибудь, – настаивал он.

– Тогда воды.

Доброееу хотелось говорить. Его не нужно было понукать. Он выложил о своих друзьях все. Размахивая руками, шлепая ладонью о стол, хватаясь за голову.

– Женька типичный ученый, кабинетная душа, мозги гения. Занимается языкознанием, какой-то узкой темой, печатается за рубежом. Из старой интеллигенции, старые деньги – семья из богатых, плюс из-за бугра гонорары капают. Да ему много и не надо. Был женат дважды... женщины определенного типа летят на него тучами. Не успел оглянуться – бац! Женат. Хищницы, с деньгами. Вот и Юнона копытом бьет. Ее Павлик привел, какие-то у их банков общие дела оказались. Она увидела Евгения и сошла с ума. Директор банка, умная баба, боец, в отличие от Женьки, и коня остановит, если надо, и морду набьет хулигану, а лоска не хватает. И шарма. Женька наш – красавчик, умный, воспитанный... и витает над ним этакий душок академизма, который не купишь за деньги. Диплом купить можно, а тут настоящее – аура. Имя известное, профессорское: дед – академик, родители, тетка, кузены – все в науке и в литературе. И все время зовут почтить участием то симпозиум, то конференцию, посидеть в президиуме, получить премию. Теперь он перекинулся на билингвизм – а это проблема номер один в мире с ростом эмиграции.

А Марта... – Леша расплылся в улыбке. – Марта – это чудо! Не от мира сего. Их союз задуман на небесах, я всегда говорил. Муж-миллионер разбился на машине три года назад, то ли случайно, то ли заказуха, но дом и квартира остались при ней, капиталы, как я понимаю, тоже. Синеглазая, рыжая, с голосом сирены... спокойная, молчит, а вокруг сияние. И такая светлая радость на душе... так и воспаряешь! Они познакомились в кафе. Женька заскочил на минутку выпить кофе, а она ожидала там подружку. И место было только одно, рядом. Он спросил: «Можно?» Она подняла на него свои фиалковые глаза, и Женька пропал.

Знаешь, малышня, если с ней что-то случилось, упаси бог, Женька не переживет. Пятый день... скверно! Ему бы сразу крик поднять, а он голову в песок... авось само как-нибудь. Не боец.

– Ее любят только мужчины? – спросила я.

– Ты про Лолку? – догадался Леша. – Она ее терпеть не может. Лолка – рабочая лошадь, пашет с утра до вечера, переводчица, гид, мотается с группами, привыкла разбираться с придурками – тот отстал, тот потерялся, тот отравился. У нее к Марте классовая ненависть. Она весь мир ненавидит. У нее был мужик, в меру дурковатый, при киностудии, не то режиссер, не то пятый помощник, но добродушный, нормальный, так она его шпыняла, пока не сбегал. Она умная, с ней редко кто сравнится. Всю жизнь по музеям – писатели, художники, архитектура, музыка... эрудитка. А по сути, несчастная баба.

Она раньше, до Марты еще, к Женьке подъезжала – как же, общие интересы, оба полиглоты, объездили полмира, есть о чем пообщаться, но он от нее как черт от ладана. Она и так, и этак, а потом вдруг Марта – как с неба упала... – Доброеев замолчал, припал к литровой кружке, которую удерживал обеими руками. Допил, отставил, промокнул рот салфеткой.

– Слушай, малышня, Лолка мне шепнула, что ты знаешь этого... Юрия, одноклассника. Правда? – Он смотрел на меня любопытными и жадными глазами сплетника.

– Правда, Леша.

– А чего как чужие? Не признались?

Я пожала плечами и не ответила. Что тут скажешь? Что мы встречались семь лет и в результате пшик? Все коту под хвост? История моей жизни. Мне, в свою очередь, хотелось спросить о Ситникове, но я не посмела. Но Лешке тоже хотелось поговорить об этом, и он зашел издалека:

– Катенька, малышня, а как ты?

То есть жива ли, не рыдаешь ли в подушку, не страдаешь бессонницей, не носишь ли его фотографию в медальоне на груди под сердцем?

– Нормально. У меня все нормально.

Он смотрит испытующе, я отвечаю честным взглядом, с трудом удерживаясь от зевка. Часы на площади бьют три.

– Леша, я сейчас усну! Я хочу домой.

...Он привез меня к моему дому и проводил до крыльца. Темнота хоть глаз выколи – фонарь около дома не горел. Такси мигнуло красными огоньками и исчезло. Я на ощупь вставила ключ в замочную скважину и вдруг почувствовала... чью-то руку на своем плече...

Глава 7

Бессонная ночь. Призраки

...Колени мои подкосились, вопль застрял в горле, и я бы мягко опустилась на заснеженное крыльцо, если бы чьи-то руки не подхватили меня...

– Катюша, извини, я напугал тебя!

Юрий! Никогда еще я так не радовалась тонкому неприятному голосу своего бывшего друга Юрия Алексеевича!

– Юрочка! – вскричала я, оборачиваясь. – Откуда ты взялся?

– Ожидал тебя, – ответил он, отступая, обескураженный моей радостью. – Хотел позвонить, но потом решил зайти. А тебя нет. Между прочим, уже половина четвертого. Кто этот человек?

– Мой друг. А если бы я не вернулась, ты ожидал бы до утра?

– Нет, – уронил он высокомерно. – Я уже собирался уходить.

«Ну и катись!» – рвалось у меня с языка, но я удержалась – прикусила язык, как советует подруга детства Галка.

Он взял у меня из руки ключ, отпер дверь.

– Замерз как собака. Я здесь уже два часа.

– Я думала, ты останешься у Лолы, – съязвила я.

– Она тоже думала. Кстати, расспрашивала о наших отношениях.

Он упал на диван, подложил под себя подушки, потер красные от холода руки.

– Как жизнь, Катюша? С кем ты? Ситников женился, говорят...

Между прочим, невзначай уколоть или пнуть – здесь ему не было равных. Он все обо мне знал! Интересовался? Или узнал случайно? Кажется, у нас нет общих знакомых. Я смотрела на него, старого... старинного друга... Залысины над мощным лбом мыслителя, серые... нет, стальные! Стальные глаза, жесткий взгляд, крупный не улыбочивый рот. Римский сенатор, военачальник, завоеватель. Лидер. С отвратительным характером злого карлика – угораздило же природу так лопухнуться!

Господи, это сколько же лет прошло? Он, видимо, подумал о том же и спросил:

– А ты помнишь, Катюша, как мы познакомились? Сядь, давай поговорим.

...Была весна, я готовилась к сессии, просиживала целыми днями в библиотеке. Однажды... Прекрасное «однажды», как в сказке! Однажды рядом оказался незнакомый молодой человек, читавший Китса в оригинале... Мы познакомились... Это было началом прекрасных тупиковых отношений, которые в итоге никуда не привели. Вернее, привели в тупик – на то они и тупиковые. Почему, спросите вы? Потому. Наверное, оба были не готовы, нетерпеливы, эгоистичны... и так дальше. Я влюбилась – он казался мне необыкновенным, его высокомерие, скуку, презрение к миру я принимала за гениальность – гениям все можно. Постепенно оказалось, что гениальность была ширмой, за которой сквозила пустота. А также характер... характерец. Я бунтовала, убегала, он безумно раздражал меня; потом нас снова сталкивало в жизненном водовороте... и так дальше, и тому подобное, по закону спирали. Галка скандалила со мной, доказывая, что Юрий пустышка и никогда не женится – ему и так хорошо, только мозги пудрит! А потом появился предприниматель Ситников... Я вздохнула, что не укрылось от Юрия.

– Да-а-а, – протянул он и тоже вздохнул. – Времена бегут и меняются, и мы меняемся вместе с ними. Ты переменялась, Катюша. Стала взрослой. Никак не могу согреться! – пожаловался он вдруг. – Можно кофейку?

Мы пили кофе. Меня уже тошнило от кофе! Ночь пропала окончательно... как в старом английском анекдоте. Часы показывали половину пятого.

– А ты с кем? – небрежно спросила я. Слишком небрежно. Как ни странно, мысль о том, что у него есть подруга, неприятно отозвалась где-то внутри.

Он пожал плечами, ухмыльнулся снисходительно, и я начала заводиться. Меня всегда бесила его высокомерная ухмылка.

– Тихо, тихо, тихо... – прошелестел Каспар. – Возьми себя в руки. Он же только и ждет, чтобы ты взорвалась и все увидели, какая ты вздорная, крикливая баба и вообще скандалистка. Улыбнись! Старый друг ожидал тебя два часа на морозе... зачем-то, а ты сразу в драку! Ты же любила его... Пусть теперь корчит иронические рожи, но ведь два часа на морозе – это тебе не кошка начхала!

Я улыбнулась, что его удивило. Он смотрел пристально, без улыбки, и вдруг схватил меня за плечо, притянул к себе...

Мы целовались... Я попробовала вырваться, но он не отпустил. Губы его были настойчивы, и я невольно ответила. Я снова была молодой глупой восторженной девчонкой в ожидании любви...

Каспар пробормотал что-то, всплеснул лапками и умолк – закрыл глаза и упал в обморок, не иначе. Он не знал, что сказать. И я не знала. Меня снова тянуло к Юрию, как тогда, той далекой весной, и не было бесконечных пустых и бесплодных лет между нами.

Одиночество до добра не доводит...

– Катюша, я люблю тебя, – прошептал он. – Как глупо мы растратили то, что было. Но еще не вечер. Мы свободны, независимы... Давай сначала? Я почитаю тебе Китса, хочешь? Про тигра?

...Мы лежали обнявшись. Юрий целовал мое лицо...

– Как я соскучился! Если бы ты только знала! Ты – мой человек, Катюша.

Мой человек, сцепившиеся шестеренки, ах, мы так похожи! Знаю! Это мы уже проходили... Слабости в коленках не наступило, похоже, я действительно повзрослела.

– Зачем он тебе? – прорезался Каспар.

– Не знаю, отстань, а?

...Мы проснулись в девять, и я тихонько выскользнула из-под одеяла. Постояла, рассматривая спящего Юрия, который даже во сне был значителен, как профиль на барельефе, и отправилась в ванную, сунув в карман халатика телефон. Он тут же ожил, и я закрыла за собой дверь. Это была Галка, сгоравшая от любопытства.

– Катюха, ну как? Как тебе в гостях? Что за люди?

– Нормально, – ответила я шепотом.

– Ты не одна? – догадалась Галка. – Кто у тебя? Добродеев?

Я засмеялась:

– О чем ты? Какой Добродеев?

– А кто?

– Никто.

– Я его знаю? – Галка умирала от любопытства. – Неужели... Ситников?! – В голосе ее прозвучала недоверчивая радость – она, бедная, все еще надеялась.

– Ты же сама сказала, что он в Риме, – напомнила я.

– Мало ли... – угасла она. – Ну? Рассказывай!

– Нечего рассказывать.

В проникательности Галке не откажешь. Она вдруг ахнула и сказала страшным голосом:

– Катюха, ты только меня не пугай! Неужели этот хлыст? Неужели опять на старые грабли? Ты с ума сошла!

– Катюша, ты с кем? – Юрий постучался и всунул голову в ванную комнату.

Галка, услышав его голос, завопила:

– Ты, мать, совсем с катушек слетела?

Я отключилась и спрятала телефон в карман.

– Это Галка, спрашивает, как я провела вечер.

Юрий скривился. Как я уже говорила, они друг дружку терпеть не могут.

– Тебе не пора на работу? – спросила я.

– У меня ночная работа.

– Снова ресторан?

– Бери выше – почти театр. Кабаре «Касабланка». Играю на фортепьянах, то есть на рояле. Могу устроить контрамарку с бесплатным свекольным соком. Его все равно никто не заказывает.

В своем репертуаре, вывернутое наизнанку чувство юмора, от которого я уже отвыкла.

– Спасибо. Я думала, ты вернулся к своим пациентам.

– Нет. Человек должен заниматься тем, что ему нравится. Мне нравится играть на рояле, тебе – командовать вооруженными мужиками. – В его голосе мне почудилась издевка. – Каждому свое, Катюша. Можно мне кофе? Ты не спешишь?

Да что же им всем моя «Охота» поперек горла! Вот и Ситников...

– Я... мне на десять! – выпалила я, хотя еще вчера сказала своей правой руке пенсионеру Гавриленко, что не приду. Мне хотелось остаться одной и подумать, с чего начать поиски пропавшей девушки – Нонны Гарань. А теперь еще и Марта добавилась. Одна исчезла восемь лет назад, другая – всего пять дней, и след еще горяч.

– Я приму душ, с твоего позволения, – сказал Юрий и легонько вытолкнул меня из ванной.

– Я тоже хочу принять душ! – закричала я. – Я первая!

Каспар хихикнул.

Юрий выпил кофе, отказался от бутерброда, сказал, что позвонит, и ушел, коснувшись губами моей щеки. От его вчерашней ностальгии и пыла остался лишь пепел.

– И что бы это значило? – спросил Каспар. – По-моему, он снова морочит тебе голову. Убедился, что ты свободна...

Тут затрезвонили в дверь, и влетела Галка – в дубленке, гусарских сапогах и волчьем треухе, – принесла с собой дымный морозный дух.

– Кофе будешь? – спросила я.

– Ты одна?

– Галюсь, только не надо! Мне и так тошно. И не выспалась. Ты завтракала? Садись и слушай. Пропали две девушки, которых нам предстоит найти.

– Как пропали? – ахнула Галка.

– В том-то и дело, что никто не знает как. Пропали... просто пропали.

Глава 8

Оперативные раздумья и план действий

...Комиссар Мэгре в тяжелом длинном пальто, впитавшем туманную влагу парижского беспросветно-дождливого осеннего вечера, входит в кабачок «Пять мушкетеров и сивый мерин», что на рю Плесси-Мусси-де Круассан, и заказывает кружку горячей анисовой водки. После чего достает из бездонного кармана громадный клетчатый носовой платок, разворачивает и трубно сморкается...

Как бы из романа о комиссаре Мэгре.

– Эта Нонна Гарань предположительно из нашего города, вот ее фотография.

Галка взяла фотографию, внимательно рассмотрела, повернула к свету и от света, кажется, даже понюхала и сказала разочарованно:

– Ничего не разобрать. Сплошная зелень. На тебя похожа, между прочим. Толку с такой фотки – ноль целых ноль десятых. Тем более старая.

– Ее фотография висела в витрине фотоателье, – сказала я. – Опять-таки предположительно она была не то актрисой, не то моделью. Отсюда и будем плясать. Десять лет назад она уехала отсюда со своим знакомым, потом его убили, а теперь друг убитого ищет ее, чтобы узнать подробности убийства. А фотография не столько для опознания, сколько для подталкивания...

– Подталкивания?

– Подталкивания памяти. Свидетель не помнит такую, а ты ему фотографию. Он и вспомнит. Если тебе показать мою фотографию, самую мутную, ты ведь узнаешь меня, правда?

Галка подняла бровь, выражая сомнение.

– Узнаю... наверное. А где же взять свидетеля?

– Будем искать.

– А что у нее в руке? Смотри, держит что-то!

Мы склонились над фотографией.

– Что-то красное, похоже, игрушка. Медвежонок... они бывают красные?

– Бывают всякие. А в лапах что-то блестящее... – Галка задумалась, видимо, вспоминая игрушки своей команды. Потом спросила: – Он думает, что Нонна убийца? Почему он не пошел в полицию?

– Не знаю, Галюсь. Дело в архиве, вряд ли снова откроют. Может, он не хочет шумихи... не знаю. Необязательно убийца, он не сказал, что считает ее убийцей.

– А кто он?

– Он оставил визитку. – Я покопалась в сумочке. – Вот!

– Сергей Вэ. Шеремет, – прочитала Галка. – Бизнес-консалтинг. А почему только сейчас?

– Он говорит, что был за границей, только сейчас вернулся.

– Может, сидел?

– Не похоже. Солидный, хорошо одетый... вряд ли.

– Зачем ему эта Нонна?

– Он хочет знать, как погиб его друг. Она неспроста исчезла – возможно, что-то знает.

– Не факт! Я бы на ее месте тоже исчезла – кому охота связываться с ментами?! А как он погиб?

– Он был убит в своей квартире, его ударили ножом в живот.

– А кто он такой... был?

– Предприниматель.

– Конкуренты!

– Кто угодно – сосед по даче, конкуренты, доставщик пиццы. Галюсь, мы ведь не убийц ищем. Мы ищем девушку, которая может что-то знать. Возможно, была при этом. Возможно, догадывалась, кто убийца.

– Потому и сбежала! А может, это она его?

– Клиент не верит, что она замешана. Но сама понимаешь...

– А в адресный стол?

– Такая нигде не значится, он уже был там.

– Но если она из нашего города... непонятно!

– Поменяла фамилию... не знаю. Сейчас все в электронной базе данных, может, потерялась при переносе.

– А вторая?

– Вторая – Марта Корнева, подруга Лешки Добродеева. Последний раз вышла на связь в четверг, девятого декабря, после чего пропала. В полиции велели ждать, авось вернется.

– Что значит – пропала?

– То и значит. Последний раз ее... муж – Евгений Немировский – говорил с ней в четверг утром, потом был страшно занят и...

– Но домой он хоть приходил ночевать? И не заметил, что жены нет?

– У нее своя квартира, они не женаты. Вернее, в гражданском браке. Он принимал участников круглого стола – он ученый, двое остановились у него, а Марта ушла к себе. А у него – то банкет, то кулуары, хватился только в субботу, поехал к ней домой – а ее нет. Он прождал ее всю ночь, но она так и не вернулась.

– Закон парных случаев – глубокомысленно сказала Галка. – Сначала Нонна, теперь Марта. И где же ты собираешься ее искать?

– Есть мысли... Помнишь сюжет про аварию в вечерних новостях? Мы еще кофе пили... был повтор. Евгений сказал, что женщина на носилках похожа на Марту.

Галка ахнула и всплеснула руками.

– Он даже сумел достать запись в телестудии. Отсюда и начнем.

– А он звонил в больницы?

– Звонил, нигде никаких следов.

– Покажи фотку!

Она долго рассматривала фотографию Марты. Марта была... вряд ли ее можно было назвать красивой – высокий лоб, острый подбородок, короткий нос, большие глаза... ничего особенного, но все вместе, вкуче с рыжими короткими волосами и, главное, выражение легкого как бы сожаления, понимания, всепрощения... не знаю! Еще неуверенная полуулыбка... Она словно говорила: мне всех вас страшно жаль...

– Какая-то она потусторонняя, – сказала Галка. – Несовременная. Ты думаешь, она жива? Я только вздохнула.

– С чего начнем? – деловито спросила Галка.

Я вырвала из блокнота листок, взяла ручку, и мы принялись думать.

В результате раздумий Галка позвонила соседке, работавшей на «Скорой», и спросила, куда везут попавших в ДТП – в больницу, в травмопункт или... куда? Та ответила, что в ближайший травмопункт или больницу, так как служба «Скорой помощи» централизованная. Галка тут же спросила, куда могли доставить человека, попавшего в аварию на перекрестке Пятницкой и проспекта Мира. Оказалось, в травмопункт, если травмы несерьезные, на Строительную, или в районную больницу на Сиверскую, четырнадцать, если серьезные. А уже оттуда... домой или в морг.

Мы посмотрели друг на дружку. Теперь остается сходить на Строительную и спросить, не привозили ли к ним ту женщину. Или сразу звонить в морг, раз Евгений сказал, что в больницах Марты нет.

– Возьми корочки, – сказала Галка. – На всякий пожарный.

В травмпункте говорить с нами отказались, несмотря на корочки. В коридоре сидела очередь из укушенных, раненых, выпавших из окон, подравшихся, а также ежеминутно доставлялись новые пострадавшие, и объясняться с нами ни у кого не было времени. Галка схватила за рукав девочку в белом халате:

– Сестричка! На минутку! – Девочка приостановилась, и Галка выпалила: – Пропала моя сестра! Сбила машина, и нигде нет! Сказали, доставили к вам сюда. Ты не посмотришь, куда ее увезли?

Девочка не спросила, откуда нам это известно. Вместо этого она деловито сказала:

– Вы узнавали в больницах?

– Нигде нет! Уже пятый день ничего не знаем. Полиция говорит, ждите, и мы решили сами.

– Когда ее привезли?

– В пятницу, десятого декабря, вечером. Ее сбила машина на углу Пятницкой и проспекта Мира, в «Скорой» сказали, вроде увезли к вам. В белой шубке!

– Ждите, – шепнула девочка и исчезла. Вернулась она через пятнадцать минут, когда мы уже потеряли всякую надежду, и сказала: – Она была доставлена к нам в девять пятнадцать...

– И куда ее увезли?

– Никуда, она сама ушла.

– Как ушла? – не поверила я.

– Ушла. Лежала на носилках, а когда пришел врач, ее не было. Только одни носилки остались.

– Но она же была ранена, вся в крови! – настаивала я.

– Я не видела... – Девочка оглянулась. – Зоя говорила, что она была без сознания... и белая норковая шубка в крови. Наверное, очнулась и ушла. Такое тоже бывает. Зоя говорит, ее показывали по телевизору.

– Может, ее кто-нибудь увез?

Она пожала плечами и убежала.

Ошарашенные, мы переглянулись. Момент истины не состоялся. Мы постояли на улице, соображая, куда теперь. Летел редкий снег, светило солнце, трещал под ногами тонкий ледок на лужицах.

– Куда же она делась? – недоумевала Галка. – Если она ушла сама... куда? И где она сейчас? Пятый день... если жива. Может, сестричка ошиблась?

– Вряд ли. Она сказала, что к ней пришел врач, а ее не было. Она могла сказать, что не знает, но она ведь ее вспомнила. И Зоя ее узнала...

– Может, ее выкрали? С целью выкупа?

– Может. Тогда почему молчат?

– Нужно звонить ее подругам, – сказала Галка. – Знаешь, то, что ее нет уже пятый день... не нравится это мне!

– Я думаю, Евгений звонил...

– Не факт. Мужья часто не знают про подруг. Если бы у нас была ее записная книжка, например... Звони ему!

Я достала мобильный телефон. Евгений откликнулся сразу.

– Катя! Я думал о вас! Ну... что?

– Пока ничего. Я думаю, нужно звонить подругам Марты... вы кому-нибудь уже звонили?

Наступила пауза. Через долгую минуту Евгений сказал:

– У Марты нет подруг.

– Как нет? – не поверила я. – Вообще?

– Вы не понимаете, – заторопился он. – Марта домоседка, она много читает, слушает музыку, смотрит свои любимые фильмы. Она выходит только со мной. Я работаю у себя в кабинете, она тут же на диване... понимаете? Нам никто больше не нужен. Иногда мы ходим в театр или на концерт... еще к Паше и Нине. Продукты покупает домработница. Марта никогда не выходит одна, она боится улицы. Я уверен, это была не она на перекрестке... она просто не могла там быть!

– Что? – прошептала Галка в нетерпении. – Что он говорит?

– Евгений, если можно, дайте телефон вашей домработницы. Как ее зовут?

– Зачем? – вырвалось у него. – Вы думаете...

– Не знаю!

– Пишите, – сказал он с сомнением. – Ее зовут Алена Андреевна. Но я не понимаю... это совсем простая женщина, Марта с ней и не разговаривала никогда. Мы всегда уходим, когда она убирает или готовит.

– Что? – повторила Галка, когда я сунула телефон в сумочку.

– У Марты нет подруг, и она никогда не выходила одна из дома.

– Как это? – поразились Галка. – Какой-то домострой! Или с головной проблемы... может, больная? Этот Евгений... что он собой представляет?

– Не семейный тиран, если ты это имеешь в виду. Спокойный, воспитанный, интеллигентный. Не думаю, что он запирает ее на ключ или отваживал подруг. Вряд ли больная – Лешка Добродеев в ней души не чаёт, они часто видятся. Он знал бы. Да и все остальные...

– Ничего не понимаю! – в сердцах воскликнула Галка. – Странные какие-то отношения... А что говорит о ней Лешка?

– Он говорит, что Марта нежная, светлая и молчаливая. Но даже когда молчит, то вокруг радость. Крыльев не хватает. Женщины ее не любят, между прочим. Была замужем за каким-то воротилой, он погиб в автомобильной катастрофе. Она осталась жива...

– Она тоже была в машине?

– Леша сказал, что ей повезло – ни царапины, а муж скончался на месте, до приезда «Скорой».

– А где ее подхватил Евгений?

– В кафе. Она ожидала подругу...

– У нее же нет подруг!

– Может, два года назад были. Она подняла на него глаза... фиалковые, сказал Лешка, и Евгений влюбился с первого взгляда. Кстати, он был женат уже два раза.

– Ничего себе, тихоня! – фыркнула Галка.

– Женщины его преследуют. И Юнона...

– Кто такая Юнона? – разумеется, спросила Галка.

– Банкирша, тоже была в гостях. Лешка говорит, влюблена в Евгения до потери пульса.

Галка ахнула:

– Это она Марту!

Я засмеялась:

– Ага, спрятала у себя на даче и держит на хлебе и воде!

Некоторое время мы шли молча. Потом Галка вспомнила:

– Ты сказала, у них есть домработница?

– Ты же слышала. Я взяла ее номер.

– Звони! – скомандовала Галка.

Домработница Алена Андреевна на звонки не отвечала.

– Пропала! – ахнула Галка. – Обе пропали!

– Работает, – ответила я. – И нет времени отвечать на дурацкие звонки...

– Послушай, Катюха! – воскликнула Галка, осененная новой идеей. – А его жены, они... живы? Может, и они пропали?

– Галюсь, ты чего? Ты не перепутала его с Синей Бородой?

– Во всех детективах говорится, что жен убивают мужья, и наоборот. Поэтому твой Евгений и шум не хотел поднимать, выжидал... – Она выразительно смотрит на меня.

– Ладно, поговорим с домработницей сначала, а потом... сообразим, что делать, – сказала я, подумав.

– Катюха, фотоателье! – вскрикнула страшным голосом Галка, и я схватилась за сердце – детективные упражнения и разговоры об убийствах до добра не доводят.

Глава 9

Поиски иголки в стогу сена

Фотоателье называлось «Киностудия». В витрине – десятка два фотографий красавиц – одетых, полураздетых, в костюмах с блестками, с широкими улыбками и наивно распахнутыми глазами.

Мы вошли. Очень красивая девушка за прилавком, годившаяся для рекламы фотоуслуг, окинула нас профессиональным взглядом, задержалась на Галкином волчьем треухе.

– Я вас слушаю! У нас до Нового года скидки десять процентов, вам повезло, – прощептала она. – Что будем делать?

– Спасибо, но мы по другому вопросу, – сказала я.

– По другому? – удивилась она. – А у нас только фотосессии.

– Понимаете, мы ищем девушку, она когда-то фотографировалась у вас... – заторопилась Галка. – Это очень важно, ее разыскивает семья, так получилось, что она пропала...

– Так вы не фотографироваться? – Девушка была разочарована. – У нас многие фотографируются, мы лучшее ателье в городе. Что значит – пропала?

– Она не пропала, просто ее не могут найти, знаете, как в этой передаче – поменяла фамилию, вышла замуж...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.